E 86
79

О 79.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАНЦЛЕРЪ

ГРАФЪ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ

РУМЯНЦОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) РѢЧИ: О ЦѢЛИ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ ВОИНАХЪ; 2) МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ; 3) ЗАМѢТКИ О СЕВАСТОПОЛЬСКОМЪ МУЗЕѢ; И 4) ВОЗЗВАНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

79

6 79

ЭБ

801-05
438

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАНЦЛЕРЪ

ГРАФЪ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ

РУМЯНЦОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) РѢЧИ: О ЦѢЛИ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ ВОИНАХЪ; 2) МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ; 3) ЗАМѢТКИ О СЕВАСТОПОЛЬСКОМЪ МУЗЕѢ; И 4) ВОЗЗВАНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

3/и-33.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ тип. Ф. С. Сущинскаго. — Могилевская, 7.

1871.

Государственная
...
...
...

2007096110

Государственный Канцлеръ

ГРАФЪ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ

РУМЯНЦОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

ЧИТАННЫЙ

15, 16 и 17 СЕНТЯБРЯ 1869 ГОДА

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАЛѢ УНИВЕРСИТЕТА Св. ВЛАДИМІРА,

ВЪ ПОЛЬЗУ

ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ,

СОСТОЯЩАГО

ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Предлагаемый просвѣщенному вниманію любителей отечественной старины очеркъ ученыхъ заслугъ Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова составляетъ читанный въ Университетѣ Св. Владиміра отрывокъ изъ собранныхъ матеріаловъ для изображенія патріотической дѣятельности этого русскаго мецената.

Популярныя чтенія объ историческихъ дѣятеляхъ весьма много способствуютъ къ распространенію полезныхъ свѣдѣній о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ и чѣмъ ближе къ нашему времени дѣятель, избранный темою для чтенія, тѣмъ сіе послѣднее возбуждаетъ бо́льшій интересъ въ слушателяхъ.

Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться въ Воронежѣ, Москвѣ и Кіевѣ, гдѣ я читалъ пуб-

личныя лекціи о заслугахъ Митрополита Кіевскаго Евгенія и Графа Н. П. Румянцова, оказанныхъ ими разработкою матеріаловъ для отечественной исторіи.

И какъ мои лекціи въ Кіевѣ и Петербургѣ были читаны въ пользу Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, то мною было признано необходимымъ объяснить: цѣль и значеніе этого гуманнаго учрежденія, образовавшагося въ слѣдствіе несостоятельности военной администраціи въ уходѣ за больными и ранеными во время Крымской кампаніи.

Кромѣ рѣчи о цѣли этого Общества, приложены къ очерку: библіографическій указатель статей о Севастопольской защитѣ и біо-

графій замѣчательнѣйшихъ Севастопольскихъ героевъ, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, на русскомъ языкѣ, а также и замѣтка о Севастопольскомъ музеѣ, съ приложеніемъ воззванія отъ имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича къ знающимъ что либо о Севастопольской оборонѣ.

Скудость матеріаловъ для біографіи Государственнаго канцлера Графа Н. П. Румянцова побуждаетъ меня обратиться ко всѣмъ, у кого имѣются какіе либо о немъ рукописные источники, съ покорнѣйшею просьбою: о доставленіи мнѣ таковыхъ въ подлинникахъ или копіяхъ.

Съ подобною же просьбою я обращался къ любителямъ просвѣщенія, по поводу печатае-

маго мною: Евгеніевскаго Сборника матеріаловъ для біографіи Митрополита Евгенія и изданнаго біографическаго очерка И. М. Снегирева, какъ введенія къ изданію собранія историко-архологическихъ трудовъ покойнаго профессора Московскаго Университета.

Не теряю надежды, что мои посильныя попытки — изобразить полезную дѣятельность этихъ тружениковъ науки на поприщѣ библіографіи и археологіи, — не останутся не замѣченными и вызовутъ со стороны компетентныхъ лицъ замѣчанія и дополненія, которыя издателемъ будутъ приняты съ признательностію.

А. Ивановскій.

Въ Румянцовскомъ залѣ Московскаго Публичнаго Музеума находится работы скульптора Каповы? мраморная статуя, представляющая богиню мира, которая держитъ въ рукахъ маслинчную вѣтвь. Она служитъ памятникомъ заключенныхъ Румянцовыми ко славѣ Россіи трехъ договоровъ: *Абовскаго*—въ 1743, *Кайнарджійскаго*—въ 1774 и *Фридрихсгамскаго* — въ 1809 году; договоры эти начертаны у подножія статуи.

Достойнаго безсмертнаго таланта Каповы произведенія могутъ намъ позавидовать иностранцы. Оно создано художникомъ-геніемъ, по мысли графа Николая Петровича Румянцова, желавшаго этимъ скульторнымъ мавзолеемъ сохранить память о совершенныхъ на пользу отечества подвигахъ *дѣдомъ, отцомъ* и имъ самимъ,

Такимъ образомъ, Абовскій, Кайнарджійскій и Фридрихсгамскій миры будутъ вѣчны:

Такъ гепія рука безсмертныя дѣла,
Въ прекрасномъ образѣ вѣкамъ передала.

Для полноты картины заслугъ графа Н. П. Румянцова полагаемъ не лишнимъ въ краткомъ очеркѣ разсказать о подвигахъ дѣда и отца государственнаго канцлера, занявшихъ почетное мѣсто на страницахъ отечественной исторіи.

Въ три достопамятныя царствованія: Петра Великаго, Екатерины II и Александра I, совершились событія, въ которыхъ Румянцовы принимали дѣятельное участіе.

Дѣдъ канцлера, Александръ Ивановичъ Румянцовъ, сынъ бѣднаго Костромскаго помѣщика, стоя однажды на часахъ во дворцѣ, обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго и этого уже было достаточно, дабы его судьба была на всегда упрочена, ибо расторопность, вѣрность и честность, которыя отличали молодаго Румянцова, послужили къ скорому его возвышенію. Онъ имѣлъ счастіе сопутствовать Петру въ Копенгагенъ и въ Голландію. Съ особеннымъ умѣньемъ исполнилъ порученіе Государя, огорченнаго бѣгствомъ сына за границу и, открывъ мѣсто пребыванія цесаревича

Алексѣя Петровича, убѣдилъ императора Карла VI выдать отцу виновнаго сына, какъ извѣстно, впослѣдствіи осужденнаго и скоропостижно умершаго. На Аландскій конгресъ онъ былъ посылаемъ съ разными дипломатическими порученіями, которыя къ удовольствію царя исполнилъ.

Въ это самое время одинъ вельможа, видя, что Румянцовъ занимаетъ не послѣднее мѣсто между любимцами Петра Великаго и изъ этого заключая, что онъ можетъ достигнуть первыхъ должностей въ государствѣ, предложилъ ему руку своей дочери и тысячу душъ въ приданое. Осчастливленный Румянцовъ подобнымъ предложеніемъ спѣшитъ во дворецъ, повергается къ стопамъ Монарха, испрашиваетъ одной только милости—соизволенія на бракъ, отъ котораго зависѣло все благополучіе его жизни. Поднявъ Румянцова, Петръ спросилъ:

«Видалъ-ли ты невѣсту и хороша-ли она?

«Не видалъ, отвѣчалъ Румянцовъ, но говорятъ, что она не дурна и не глупа».

«Слушай Румянцовъ — продолжалъ Государь, балу я быть дозволяю, а отъ сговора удержись. Я самъ буду на балѣ и посмотрю невѣсту; если она дѣйствительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастію».

До 10-го часа вечера ожидали царя, и полагал, что какое либо важное дѣло воспрепятствовало ему держать данное слово, начали тапцовать; по вдругъ Петръ явился въ домъ невѣсты своего любимца, увидѣлъ ее, стоя въ дверяхъ въ толпѣ любопытныхъ зрителей, и, сказавъ про себя довольно громко: «*ничему не бывать*», уѣхалъ. Хозяинъ и женихъ были чрезвычайно огорчены этимъ непріятнымъ событіемъ.

На другой день Румянцовъ съ печальнымъ видомъ явился къ Государю.

«Нѣтъ, братъ, произнесъ Петръ, лишь только увидѣлъ его, невѣста тебѣ не пара и свадьбѣ не бывать, но не безпокойся, я твой сватъ. Положись на меня, я высватаю тебѣ гораздо лучшую, а чтобы этого вдаль не откладывать, приходи вечеромъ и мы поѣдемъ туда, гдѣ ты увидишь, правду ли я говорю».

Въ назначенное время Государь отправился съ Румянцовымъ къ Тайному Совѣтнику Графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву.

«У тебя есть невѣста? спросилъ Петръ, когда Матвѣевъ вышелъ ему на встрѣчу, — а я привезъ ей жениха».

Неожиданное предложеніе привело графа въ большое замѣшательство тѣмъ болѣе, что онъ счи-

талъ Румянцова, какъ бѣднаго дворянина, недостойнымъ руки своей дочери.

Государь тотчасъ отгадалъ мысль Матвѣева. «Ты знаешь, произнесъ онъ, что я его люблю и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатнѣйшими».

Нечего было дѣлать Графу, какъ согласиться на желаніе такого свата. Девятнадцатилѣтняя дочь графиня Марія Андреевна тогда была объявлена невѣстою Румянцова и вскорѣ соединила съ нимъ свою судьбу. Послѣ свадьбы Румянцовъ былъ произведенъ бригадиромъ, съ пожалованіемъ ему нѣсколькихъ деревень.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины I и Петра II онъ былъ награждаемъ орденами и повышеніями къ службѣ, но, въ грозное правленіе Императрицы Анны Іоанновны, при временщикѣ Биронѣ, за отказъ принять должность главноуправляющаго государственными доходами, къ каковой должности онъ, служа постоянно по военной и дипломатической части, не считалъ себя способнымъ,—лишенъ былъ чиновъ и знаковъ отличія и сосланъ въ Казанскую губернію на жительство. Тамъ три года, какъ преступникъ, окруженный солдатами, влачилъ онъ бѣдственную жизнь, не имѣя возможности воспитывать сына, надежду

будущихъ дней; наконецъ былъ прощенъ и назначенъ губернаторомъ въ Казань, а потомъ въ Малороссію.

Имѣвъ случай обратить на себя вниманіе Императрицы Елисаветы Петровны, онъ получилъ постъ чрезвычайнаго и полномочнаго посланника въ Царьградъ. За посольство это, увѣнчавшееся успѣхомъ, онъ удостоился получить орденъ Андрея Первозваннаго и, по возвращеніи оттуда, отправленъ былъ на конгрессъ въ Або, гдѣ успѣлъ склонить шведскихъ министровъ къ славному и выгодному миру для Россіи. За эту услугу, вслѣдствіе которой Россіею пріобрѣтена въ Финляндіи цѣлая провинція Кюменегорская съ находящимися въ ней крѣпостями, онъ возведенъ былъ въ графское достоинство Россійской Имперіи и вскорѣ послѣ того умеръ, на 70 году отъ рожденія, въ 1749 году.

Такимъ образомъ, любимецъ Петра Великаго, вполнѣ оправдавъ возложенныя на него надежды, оказался достойнымъ сравняться въ графскомъ достоинствѣ съ своимъ тестемъ графомъ Матвѣевымъ, и передалъ въ наслѣдство любовь къ отечеству своему сыну, знаменитому Задунайскому, родившемуся въ 1725 году, столь грустномъ въ исторіи Россіи, ибо въ этомъ году она имѣла несчастіе столь преждевременно лишиться не только

знаменитаго Государя, но и славнѣйшаго полководца своего времени — Петра Великаго.

Молодой графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ получилъ воспитаніе въ сухопутномъ корпусѣ и, оставаясь тамъ безъ присмотра отца, находившагося тогда посланникомъ въ Константинополѣ, самъ себѣ на свободѣ начерталъ полетъ, котораго обыкновенные умы не въ состояніи понять. 19 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже армейскимъ капитаномъ и присланъ изъ Абова въ Петербургъ съ извѣстіемъ о мирномъ трактатѣ. Елисавета Петровна, оставшись вполнѣ довольною заключеннымъ договоромъ, прекратившимъ военныя дѣйствія со Швеціею, и доставившимъ Россіи важныя пріобрѣтенія, пожаловала молодаго Румянцова чиномъ полковника.

Чѣмъ занимался въ то время этотъ будущій герой Россіи?

Онъ удальствомъ превосходилъ товарищей, пламенно любилъ прекрасный полъ и самъ былъ любимъ женщинами. Не зналъ къ нимъ препятствій и часто, окруженный товарищами, въ виду ихъ торжествовалъ надъ непреклонными. Заплатилъ одному оскорбленному мужу двойной штрафъ и въ тотъ же день воспользовался правомъ своимъ,

сказавъ, мужу, что онъ не можетъ жаловаться, ибо получилъ уже впередъ удовлетвореніе.

Проказы полковника Румянцова, доведенные до Высочайшаго свѣденія, заставили набожную Императрицу Елисавету Петровну, въ уваженіе заслугъ отца его, графа Александра Ивановича, отправить къ нему сына, провинившагося въ разныхъ шалостяхъ, съ тѣмъ, дабы онъ, какъ отецъ, самъ наказалъ его.

Понеся отцовское наказаніе, хотя и въ полковничьемъ чинѣ, онъ скоро остепенился, ибо, принявъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пруссіи, получилъ генералъ-маіорскій чинъ. Съ этого времени начинается рядъ знаменитыхъ подвиговъ этого безсмертаго полководца XVIII столѣтія.

Разсказъ объ этихъ подвигахъ не входитъ въ предметъ настоящаго чтенія, но здѣсь не лишнимъ считаемъ сказать, что Императоръ Петръ III пожаловалъ графа Румянцова генералъ-аншефомъ и кавалеромъ св. Анны и св. апостола Андрея Первозваннаго. Но самая блестящая эпоха его славы, обезсмертившая его имя, относится къ царствованію Императрицы Екатерины II.

За одержанную имъ побѣду надъ турками, въ слѣдствіе которой попался въ его руки весь ту-

рецкій лагерь, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 1-й степени и былъ *первымъ* его кавалеромъ, со времени учрежденія ордена Императрицею Екатериною II. За битву Кагульскую возведенъ былъ въ достоинство генералъ-фельдмаршала, а побѣдами за Дунаемъ привелъ въ такой трепетъ турецкій Диванъ, что визирь сталъ просить мира и согласился на всѣ условія, предписанныя ему побѣдителемъ.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, заключенный 10 іюля 1774 года, доставилъ виновнику его слѣдующія *двенадцать* наградъ:

1. Наименованіе Задунайскаго—для прославленія его опаснаго перехода чрезъ Дунай.

2. Грамату—съ прописаніемъ побѣдъ его.

3. Фельдмаршалскій жезлъ, украшенный алмазами,—за разумное полководство.

4. Шпагу, украшенную драгоцѣнными камнями,—за храбрыя предпріятія,

5. Лавровый вѣнокъ — за побѣды.

6. Масляничную вѣтвь, осыпанную алмазами, какъ и вѣнокъ,—за заключеніе мира.

7. Крестъ и звѣзду ордена св. Андрея Первозваннаго, осыпанные брильянтами, — въ знакъ Монаршаго благоволенія.

8. Медаль съ его изображеніемъ — въ честь

его и для поощренія примѣромъ его потомства.

9. Деревню въ 5000 душъ въ Бѣлоруссіи — для увеселенія его.

10. 100,000 руб. изъ кабинета на построеніе дома.

11. Серебряный сервизъ для стола и

12. Картины—для убранства дома.

Императрица желала, дабы Задунайскій, по примѣру римскихъ полководцевъ, имѣлъ въѣздъ въ столицу на колесницѣ, чрезъ тріумфальные ворота; но скромный кагульскій побѣдитель, привыкшій къ лагерной жизни, отказался отъ почестей и этимъ еще болѣе явилъ себя великимъ въ глазахъ соотечественниковъ.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ имѣлъ счастіе сопровождать Наслѣдника Престола Цесаревича Павла Петровича въ Берлинъ, по случаю предназначеннаго бракосочетанія его съ племянницею короля прусскаго, принцессою Виртембергскою, бывшею впослѣдствіи Императрицею Маріею Ѳеодоровною, столь извѣстною въ лѣтописяхъ столичной благотворительности.

Фридрихъ Великій, уважая великія достоинства русскаго полководца, приказалъ своему военному штабу явиться къ фельдмаршалу Румян-

цову съ почтеніемъ и поздравленіями и самъ возложилъ на него орденъ Черпаго Орла.

Собравъ весь гарнизонъ въ Потсдамѣ, представилъ примѣрное кагульское сраженіе, которымъ самъ предводительствовалъ.

Въ берлинской академіи наукъ славный Формей произнесъ рѣчь, въ коей восхвалялъ добродѣтели Наслѣдника русскаго престола, и заслуги Румянцова слѣдующими словами:

«Да великая и процвѣтающая россійская имперія, предназначенная Вашему Высочеству, — сказалъ онъ — всегда будетъ опираться на столбы, столь же прочные, каковые и нынѣ поддерживаютъ ее.

«Да въ совѣтахъ Вашихъ первенствуютъ всегда министры, въ арміяхъ полководцы; одинаково любимые Минервою и Марсомъ».

«Да будетъ герой этотъ (здѣсь я невольнымъ образомъ, сказалъ ораторъ, предаюсь восторгу, ощущаемому мною, при видѣ великаго Румянцова) долгое еще время ангеломъ хранителемъ Россіи!»

«Распространяя ужасъ своего побѣдоноснаго оружія за Дунаемъ, онъ отлично украшаетъ берега рѣки Шпрее доблестями, не менѣе славными, возбуждающими удивленіе. Но чтобы достойно

возвеличить мужа, который съ храбростію Ахиллеса соединяетъ добродѣтели Энея, надобно вызвать тѣни Гомера и Виргилія, голосъ мой для этого недостаточенъ«.

Здѣсь должно прибавить, что въ этомъ собраніи академіи наукъ фельдмаршалъ Румянцовъ сидѣлъ подлѣ короля, между тѣмъ какъ два принца Брауншвейгскіе и три Виртембергскіе стояли.

Возвратившись въ отечество изъ за границы, кагульскій побѣдитель получилъ въ управленіе Малороссію.

Въ то время князь Потемкинъ представлялъ въ государствѣ первое лицо и могуществомъ своимъ затемнялъ заслуги всѣхъ преемниковъ на военномъ поприщѣ. Но при всемъ томъ, благоволенія Императрицы къ Румянцову нисколько не измѣнились. Она соорудила въ память его заслугъ обелискъ въ Царскомъ Селѣ, возложила на Румянцова орденъ св. Владиміра 1-й степени въ *самый день учрежденія онаго,* наименовала его главнокомандующимъ арміею, высланною противъ турокъ, но въ этой компаніи главнымъ лицемъ былъ князь Потемкинъ, но скоро—не стало Таврическаго.

Когда до Румянцова дошло извѣстіе о его

смерти, то великодушный герой не могъ удержаться отъ слезъ.

«Чему удивляетесь вы? сказалъ онъ своимъ домашнимъ. Потемкинъ былъ мнѣ соперникомъ, но Россія лишилась въ немъ усерднѣйшаго сына»

Черезъ два года потомъ Екатерина Великая торжествовала миръ, заключенный съ Турціею 1794 года и она не забыла Задунайскаго. Онъ получилъ тогда шпагу, украшенную алмазами, за занятіе части Молдавіи, въ началѣ войны, какъ будто въ предзнаменованіе, что рука его должна еще ополчиться къ новымъ подвигамъ славы.

Въ 1794 году графу Румянцову-Задунайскому ввѣрено было главное начальство надъ войсками, расположенными отъ устья Днѣпра до предѣловъ Минской губерніи.

Императрица собственноручно писала ему:

«Я слышала о лучшемъ состояніи теперь Вашего здоровья, обрадовалась и желаю, чтобы оно дало новыя силы раздѣлить со мною тягости мои, ибо вы сами довольно знаете, сколь отечество помнитъ Васъ, содержа незабвенно всегда заслуги ваши въ сердцѣ своемъ; знаете также и то, сколь много и все войско самое любитъ васъ и сколь оно порадуется, услыша только, что обожаемый

Велизарій опять ихъ пріемлетъ, какъ дѣтей своихъ въ свое попеченіе».

Оставаясь въ Украинѣ, онъ подвигалъ впередъ разные корпуса своей арміи, снабдилъ Суворова словеснымъ наставленіемъ, сосредоточилъ полки подъ его знамена и благоразумными распоряженіями содѣйствовалъ низложенію мятежа въ Польшѣ. Награжденъ похвальною граматою, деревнями, домомъ съ кирпичнымъ убранствомъ и передъ онымъ памятникомъ съ надписью: «*Побѣдамъ Графа Румянцова-Задунайскаго*». Памятникъ этотъ, поставленный на Царицыномъ Лугу передъ домомъ Румянцова, нынѣ находится на Васильевскомъ острову, между кадетскимъ корпусомъ и академіею художествъ, гдѣ нынѣ недавно умершимъ Соловьевымъ устроенъ скверъ.

6-го ноября 1796 года Императрица скончалась. Наслѣдникъ ея Павелъ I спачала обошелся съ гр. Румянцовымъ весьма милостиво, часто спрашивалъ его совѣтовъ по военной части, курьеры и фельдъегери часто летали къ кагульскому герою; но полководецъ Екатерининъ, надѣясь на свою силу и опытность, смѣло сообщалъ свои мысли, изъ которыхъ не всѣ согласны были съ видами Монарха, въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ вступившаго на престолъ.

Спустя мѣсяцъ послѣ кончины Императрицы Екатерины II, параличный ударъ прекратилъ славную жизнь Румянцова, бывшаго украшеніемъ ея царствованія.

Этому необыкновенному полководцу опредѣлено было родиться и умереть въ двѣ знаменательныя эпохи для Россіи.

Императоръ Павелъ I, въ память великихъ заслугъ Румянцова, оказанныхъ отечеству его подвигами, повелѣлъ наложить военный трауръ на три дня.

Если и были въ немъ недостатки, неразлучные съ человѣческою природою, то его доблестные подвиги и отличныя качества заставляютъ ихъ забыть, а самые подвиги, никогда не умрутъ въ потомствѣ!

Екатерина II украсила эрмитажъ мраморнымъ его бюстомъ. Императоръ Іосифъ II всегда приказывалъ ставить лишній приборъ для любезнаго своего фельдмаршала. Суворовъ являлся къ нему въ полномъ мундирѣ и забывалъ при немъ шутки свои. Его покровительству обязаны воины славными министрами — Безбородко и Завадовскимъ. Прахъ Задунайскаго покоится въ кіевопечерской лаврѣ. Достойнымъ преемникомъ его славы и наслѣдникомъ любви къ отечеству былъ сынъ его государственный канцлеръ.

Графъ Николай Петровичъ родился въ 1754 году; получилъ онъ воспитаніе въ домѣ своего отца и 19 лѣтъ отъ роду уже пожалованъ былъ каммеръ-юнкеромъ Высочайшаго Двора (1772). Затѣмъ отправленъ въ Вѣну съ извѣщеніемъ о совершившемся второмъ бракѣ наслѣдника престола; произведенный потомъ въ дѣйствительные камергеры, назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ на Майнѣ и оставался на этомъ постѣ болѣе 15 лѣтъ по самую кончину императрицы Екатерины II. Но отдаленность отъ двора нисколько не мѣшала ему пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ императрицы, вслѣдствіе котораго онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, пожалованъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 2-й степени большаго креста и св. Александра Невскаго за пребываніе въ Коблецѣ при братьяхъ короля французскаго Людовика XVI. Сколько онъ пользовался довѣріемъ Императрицы Екатерины II, тому могутъ служить доказательствомъ письма ея къ нему по весьма деликатному порученію,

Принцесса Баденская Луиза Марія Августа, въ послѣдствіи императрица Елисавета Алексѣевна, 13 только мѣсяцами моложе великаго князя Александра Павловича, была избрана ему въ не-

вѣсты императрицею Екатериною II и посредникомъ въ этомъ семейномъ дѣлѣ былъ графъ Н. П. Румянцовъ, находившійся въ то время русскимъ посланникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Письмо императрицы къ гр. Румянцову, отъ 4 іюня 1792 года, изъ Царскаго Села, по поводу этого брака, заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы и обнаруживаетъ заботливую попечительность вѣнценосной бабки объ упроченіи семейнаго счастія любимаго ею внука. Письмо императрицы представляетъ намъ степень довѣрія, какимъ графъ Румянцовъ имѣлъ счастіе пользоваться и какое перешло въ послѣдствіи и къ наслѣдникамъ ея.

Вотъ это письмо.

Господинъ графъ Румянцовъ!

Съ послѣднимъ курьеромъ я получила письмо ваше изъ Коблепца отъ 1-го мая, касательно вашихъ поѣздокъ въ Карлсруэ. Съ удовольствіемъ усмотрѣла я, что, согласно съ послѣдними моими приказаніями, вы приняли мѣры, какія нашли нужными для того, чтобы дать ходъ дѣлу, которое близко моему сердцу; что приказанія сіи дошли до насъ вовремя и что мы могли по этому устранить всякій иной способъ дѣйствія, который послужилъ бы помѣхою моимъ намѣреніямъ.

Сообщаемыя вами подробности, относящіяся до двухъ баденскихъ княженъ Луизы и Фридерики, необыкновенно какъ занимательны и вполнѣ удовлетворительны. Вы не сказали лишняго наслѣдственной княгинѣ баденской отъ моего имени. Я всегда особенно любила ее и знаю, что она постоянно оказывала приверженность къ Россіи и ко мнѣ. Я восхищена ея готовностію помогать вамъ и уладить затрудненія, относительно перемѣны религіи. Жду съ нетерпѣніемъ обѣщаемыхъ вами портретовъ обѣихъ княженъ. Вы предугадали, что найдено будетъ неловкимъ самой наслѣдственной княгинѣ покинуть супруга и везти ко мнѣ дочерей своихъ; но это затрудненіе не важно и ему легко пособить. Правда, я лишаюсь удовольствія еще разъ увидать любимую и уважаемую мною наслѣдственную княгиню; но положеніе ея для меня вполнѣ понятно и я раздѣляю ея доводы. Въ лишеніи моемъ я нѣкоторымъ образомъ вознаграждена тѣмъ довѣріемъ, которое она мнѣ оказываетъ, отдавая мнѣ двухъ своихъ дочерей. И такъ я нахожу приличнымъ не замедлять дѣла съ нашей стороны и, хотя конечно, судя по возрасту княженъ, можно бы отложить ихъ прибытіе въ Россію еще на годъ или года на два; но мнѣ кажется, что если онѣ пріѣдутъ

теперь же, то самый этотъ возрастъ скорѣе поможетъ имъ привыкнуть къ той странѣ, въ которой одной изъ нихъ суждено остаться на всегда. (Судьба сестры ея будетъ устроена, и не въ ущербъ ея происхожденію). На основаніи этихъ доводовъ я рѣшилась предписать вамъ, чтобы вы просили у наслѣдственной княгини баденской дочерей ея, княженъ Луизу и Фридерику, елико возможно скорѣе. Скажите ей, что я охотно берусь довершить ихъ воспитаніе и устроить ихъ обѣихъ. Внукъ мой Александръ выберетъ ту, которая ему болѣе понравится, сестру ея, когда придетъ время, я устрою. Чтобы упростить дѣло, на днихъ отправится отсюда вдовствующая графиня Шувалова, подъ предлогомъ поѣздки на ахенскія воды; ее сопровождаетъ старинный другъ дома, тайн. сов. Стрекаловъ. Если наслѣдственная княгиня согласна ея собственному предписанію, ея мужъ и свекоръ согласны будутъ отпустить ко мнѣ молодыхъ княженъ, то вы съ вышеупомянутою графинею и съ тайн. сов. Стрекаловымъ уговоритесь, гдѣ будетъ приличнѣе принять молодыхъ княженъ. Графиня Шувалова путешествуетъ подъ собственнымъ именемъ, а княжны сохранятъ инкогнито до предѣловъ Россіи. По прибытіи въ Петербургъ, обѣ княжны поселятся въ моемъ

дворцѣ, въ которомъ одна изъ нихъ, какъ падѣюсь, будетъ жить всегда, а другая выѣдетъ изъ этого дворца для приличнаго замужества. Остается прибавить, что все содержаніе ихъ будетъ на мой счетъ; это само-собою разумѣется и вы въ этомъ не сомнѣвайтесь. Лучше подождать, когда кончится коронація императора и Франкфуртъ поуспокоится. Это нужно для того, чтобы не произошло лишней огласки въ путешествіи княженъ. И дорога будетъ гораздо покойнѣе для гр. Шуваловой и ея семейства, при соблюденіи тайны. Прощайте будьте здоровы. Екатерина».

Все было исполнено по желанію императрицы, обѣ баденскія принцесы 31 октября 1798 года пріѣхали въ Петербургъ и старшая изъ нихъ особенно понравилась всѣмъ.

Екатерина не замедлила увѣдомить гр. Румянцова о благополучномъ ихъ пріѣздѣ и въ письмѣ этомъ, между прочимъ, къ свѣденію своего посланника сообщала слѣдующее:

«При ихъ прибытіи я такъ распорядилась, что мало кто изъ придворныхъ могъ ихъ видѣть. Домъ Шепелева былъ назначенъ для ихъ пріема. Гофмаршалъ и камеръ-юнкеры, назначенные для встрѣчи, привѣтствовали ихъ при выходѣ изъ кареты и ее провожали въ назначенные для нихъ

покои. Я оставалась нѣкоторымъ образомъ въ отдаленіи съ гр. Браницкою, сопровождавшею меня съ ген. Зубовымъ, который былъ мною назначенъ для услугъ въ одинъ изъ апартаментовъ для княженъ. Когда двери отворились настежь и обѣ принцессы вошли, старшая изъ нихъ тотчасъ меня узнала, а за нею и меньшая. Старшая показалась всѣмъ, кто ее видѣлъ, обворожительною дитею; мнѣ извѣстно, что дорогою она плѣняла всѣхъ. Гр. Шувалова и Стрекаловъ не могутъ ею нахвалиться. Я приказала потомъ войти всѣмъ, которыя ихъ провожали и какъ уже было поздно и всѣ чувствовали отъ дороги усталость, послѣ короткаго свиданія я удалилась съ гр. Браницкою и Зубовымъ. Они всю дорогу только и говорили о впечатлѣніи, какое на нихъ произвела старшая принцесса. Вотъ какое я вывожу изъ этого заключенія, что нашъ молодой человѣкъ весьма трудноватъ, если она не успѣетъ имъ овладѣть, но онъ ее не увидитъ раньше, пока она совершенно не отдохнетъ и я не обнаружу никакого желанія ему ее показывать».

И дѣйствительно, надежды императрицы осуществились и понравившаяся ей старшая принцесса сдѣлалась ея невѣсткою, а меньшая Луиза впослѣдствіи сдѣлалась шведскою королевою. Впро-

чемъ мать ихъ наслѣдственная княгиня баденская была сестра великой княгини Натаніи Алексѣевны, поэтому и дочери ея находили себя на русскомъ дворѣ не совсѣмъ чужими.

При вступленіи на престолъ императора Павла I, графъ Николай Петровичъ не былъ забытъ царскими милостями, ибо пожалованный въ гофмейстера и дѣйствительные тайные совѣтники, награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго; но онъ не занималъ никакой должности въ царствованіе императора Павла I-го.

Императоръ Александръ I, призвавъ Румянцова на дѣйствительную службу, въ день своего коронованія, пожаловалъ его сначала членомъ совѣта а потомъ, съ учрежденіемъ министерствъ, далъ ему портфель министра коммерціи, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть — главнымъ директоромъ водяныхъ сообщеній и коммисіи объ устроеніи въ Россіи дорогъ. Въ 1807 году поручилъ ему управленіе коллегіею иностранныхъ дѣлъ, оставивъ за нимъ и министерство коммерціи. Въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Румянцовъ сопутствовалъ Государю въ Эрфуртъ, а оттуда былъ былъ отправленъ въ Парижъ для переговоровъ съ Наполеономъ, который въ 1809 году пригла-

силъ графа быть посредникомъ для примиренія Австріи съ Франціей.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, гр. Румянцовъ особенно пользовался благоволеніемъ Императора Наполеона, который, говоря однажды о обширныхъ его познаніяхъ, прибавилъ, что онъ не видѣлъ еще никого изъ русскихъ съ такими глубокими свѣденіями въ исторіи и дипломатіи. Славный договоръ, заключенный въ 1810 г. въ Фридрисхгамѣ, утвердившій навсегда за Россією, Финляндію, доставилъ ему званіе Государственнаго Канцлера. Вслѣдъ за тѣмъ назначенъ былъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, продолжая завѣдывать обоими Министерствами, и кромѣ того присутствовалъ еще въ Совѣтахъ, учрежденныхъ при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и при училищѣ ордена св. Екатерины.

Не предположивъ себѣ задачею говорить подробно о государственныхъ его заслугахъ, какъ Министра иностранныхъ дѣлъ, не можемъ однако не указать на тѣ главные политическія событія, которыя совершились во время управленія имъ иностранными дѣлами. По 1812 годъ продолжалась война съ Турціею. Въ 1807 году послѣдовалъ разрывъ между Россією и Англіею, за тѣмъ объявлена война

Швеціи; въ 1808—ведены переговоры для примиренія Англіи съ Франціею; въ 1810—избранъ Бернадотъ шведскимъ кронъ-принцемъ; въ 1812—заключенъ тѣсный союзъ съ кабинетомъ Стокгольмскимъ; заключены мирные договоры съ Великобританіею для обоюднаго сопротивленія общему врагу и — союзъ съ Испаніею для той же цѣли.

Завистники славы гр. Румянцова стали распространять ложный слухъ о тайныхъ будто бы его переговорахъ съ Наполеономъ во вредъ Россіи. Слухъ этотъ основывался на догадкѣ и именно по этому случаю, что Наполеонъ, въ бытность гр. Румянцова въ Парижѣ, приказалъ всѣмъ начальникамъ музеевъ рѣдкостей и библіотекъ, передавать все что понравиться ему, при обозрѣніи сихъ собраній. Румянцовъ воспользовался только нѣкоторыми изданіями Императорской типографіи. Онъ на столько былъ увѣренъ въ расположеніи Наполеона къ Россіи, что со вступленіемъ его уже въ ея предѣлы, не хотѣлъ вѣрить положительнымъ свѣденіямъ и повторялъ свои сомнѣнія до той минуты, когда Государь самъ ему объявилъ, что войска Наполеона перешли Нѣманъ. Это извѣстіе до того поразило Канцлера, что онъ получилъ апоплексическій ударъ. Государь, бывшій тогда въ Вильнѣ, совѣтовалъ графу лечиться; хотя здоровье

его немного было поправилось, но, простудившись на выходѣ во дворцѣ, опять заболѣлъ и потерялъ слухъ.

Несправедливые слухи недоброжелателей до того его мучили, что онъ, для своего оправданія, собралъ всѣ подарки, которые онъ получилъ отъ царствующихъ особъ, и продалъ въ Императорскій кабинетъ; вырученную же сумму, простиравшуюся до милліона, пожертвовалъ въ комитетъ о раненыхъ.

Канцлеръ неоднократно просилъ Государя объ увольненіи, но не получалъ отвѣта; наконецъ самъ онъ рѣшился удалиться изъ службы, сдавъ по себѣ старшему члену коллегіи иностранныхъ дѣлъ портфель министерскій и переѣхалъ изъ министерскаго дома въ свой собственный.

Послѣ счастливаго окончанія войны 1812 г., когда Государь Императоръ прибылъ въ столицу, немедленно удостоилъ посѣщеніемъ гр. Румянцова, пробылъ у него около трехъ часовъ, увѣрялъ заслуженнаго старца въ своемъ неизмѣнномъ къ нему расположеніи и объяснялъ ему, что если его не вызвалъ въ армію, то единственно изъ уваженія къ его преклоннымъ лѣтамъ.

По возобновленіи имъ просьбы объ увольненіи, сіе послѣдніе, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдо-

вало только въ 1814 г., съ тѣмъ однако, чтобы, по возвращеніи силъ, снова продолжалъ онъ свою полезную отечеству службу. Весь окладъ жалованья министерскаго былъ за нимъ оставленъ, но безкорыстіе графа до того простиралось, что и оставленное ему жалованье предоставилъ онъ въ пользу инвалидовъ.

Ожиданія Государя на выздоровленіе канцлера не осуществились. Гр. Николай Петровичъ, послѣ аплоплексическаго удара, чувствовалъ глухоту, которая до того въ послѣдніе годы его жизни усилилась, что онъ не могъ ничего слышать и разговаривавшіе съ нимъ должны были объясняться съ нимъ, посредствомъ аспидной доски, на косой писали ему вопросы и отвѣты.

Вотъ любопытный анекдотъ о его глухотѣ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, проѣзжая черезъ Гомель встрѣтилъ канцлера, ѣхавшаго въ коляскѣ. Когда экипажи ихъ поровнялись Великій Князь вышелъ изъ своей коляски и привѣтствовалъ канцлера, который также не замедлилъ выйдти изъ своего экипажа.

«Куда ѣдете графъ Николай Петровичъ, спросилъ Великій Князь?»

«Слава Богу, отвѣчалъ канцлеръ, совершенно здоровъ, кромѣ глухоты Ваше Высочество».

Великій Князь при такомъ отвѣтѣ улыбнулся, а окружавшіе ихъ, какъ всегда бываетъ, засмѣялись. Скоро Великій Князь, простившись съ канцлеромъ, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Канцлеръ, не зная чѣмъ объяснить улыбку Великаго Князя и смѣхъ присутствовавшихъ при разговорѣ съ Великимъ Княземъ, спрашиваетъ своего спутника Г. Д. Богацкаго: чему смѣялся Великій Князь.

«Вы графъ, не впопадъ отвѣчали на его вопросъ. Онъ васъ спрашивалъ о цѣли вашей поѣздки, а вы ему отвѣчали о здоровьи»

— «Ну что дѣлать, смѣясь отвѣчалъ канцлеръ, а я думалъ, что, по старинному, сначала о здоровьи спрашиваютъ, я и сказалъ ему, что со словъ совершенно здоровъ, кромѣ глухоты. Да ужъ далась мнѣ эта глухота, который разъ я впросакъ за нее попадаю».

Но, не смотря на эту глухоту съ 1814 года, съ оставленіемъ имъ всѣхъ должностей, начинается рядъ усиленныхъ его трудовъ на пользу просвѣщенія; трудовъ этихъ не оставлялъ онъ до самой своей кончины (умеръ онъ 3 января 1826 г. 73 л. отъ роду).

Фридрихсгамскій миръ, заключенный, съ Швеціею при посредствѣ гр. Н. П. Румянцова, и доставившій ему почетное званіе государственнаго канцлера, не только для Россіи, но и для присоединенной къ ней Финляндіи, сдѣлался памятнымъ, ибо виновникъ этого мира оказался благотворителемъ сей послѣдней.

Доказательствомъ тому можетъ служить писанное въ маѣ 1816 г. Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ, впослѣдствіи Императоромъ, Николаемъ Павловичемъ, какъ протекторомъ абовскаго университета къ канцлеру, слѣдующее письмо:

«Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ! Принявъ по Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ главное управленіе надъ Императорскимъ Абовскимъ университетомъ, весьма пріятно было мнѣ, при обозрѣніи дѣлъ его и состоянія, увидѣть ваше сіятельство въ числѣ тѣхъ споспѣшествователей, которыхъ имена сохраняются и предадутся въ его лѣтописяхъ на память благодарному потомству. Сочлены университета, будучи подвинуты единодушными чувствами благодарности за оказанныя вашимъ сіятельствомъ ихъ сословію во многихъ случахъ доказательства любви и щедрости на пользу просвѣщенія, всегда васъ, м. г. отличавшія, на знаменитой стези долговре-

менной и многотрудной государственной службы вашей, сочли долгомъ своимъ изъяспить это въ въ представленіи ко Мнѣ. Я за особенное себѣ вмѣняю удовольствіе довести сіе до свѣденія вашего сіятельства и вмѣстѣ пріобщить къ ихъ благодарности и Мою искреннюю признательность за доказанное благорасположеніе къ сему, состоящему подъ Моимъ начальствомъ общеполезному учебному заведенію.

Пребываю съ отличнымъ уваженіемъ, м. г. мой (на подлинномъ подписано), искренно вамъ преданный Николай.

Въ отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1816 годъ, представленномъ директоромъ ея Олениным г. министру народнаго просвѣщенія, на стр. 39 читаемъ:

«Изъ дарителей, которымъ хранилище рукописей вообще одолжено пріобрѣтеніями, Императорская публичная библіотека обязана съ особеннымъ уваженіемъ именовать госуд. канцлера графа Н. П. Румянцова, который, продолжая оказывать этому общественному учрежденію благосклонное свое вниманіе, подарилъ оному въ 1816 году 17 дорогихъ медалей (греческихъ и римскихъ), между которыми знатоки древности признаютъ 8 серебряныхъ рѣдкими, а одну золотую (босфор-

скаго царя Асандра) полагаютъ въ числѣ *самыхъ рѣдкихъ*».

Потребовалось бы слишкомъ много времени для исчисленія всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя надѣлены были разными пожертвованіями отъ благотворительности канцлера и его ревности къ распространенію просвѣщенія по всей Россіи. Но нельзя не упомянуть объ одной изъ библіотекъ, основанной гр. Румянцовымъ въ небольшомъ городкѣ Псковской губ. Великихъ-Лукахъ, библіотекѣ, о существованіи которой мало кто знаетъ.

Государственный канцлеръ въ этомъ городкѣ заключилъ съ полномочнымъ испанскимъ министромъ домомъ Франциской де Зея Бермудесомъ союзный договоръ о развлеченіи силъ Наполеона, и второю статьею этого договора обѣ державы обязались вести жестокую войну съ общимъ ихъ врагомъ Наполеономъ.

По поводу заключенія въ Великихъ-Лукахъ этого мирнаго договора съ Испаніею, гр. Румянцовъ имѣлъ тамъ временное пребываніе, которое пожелалъ ознаменовать учрежденіемъ въ этомъ городкѣ публичной библіотеки, имѣющей полное право называться *Румянцовскою*.

Въ «Сѣверной Почтѣ», издаваемой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ 18 октября 1813

года, подъ рубрикой извѣстій изъ Великихъ-Лукъ читаемъ нижеслѣдующее заявленіе.

«Въ прошедшемъ 1812 году, въ городѣ нашемъ имѣлъ временное пребываніе государственный канцлеръ гр. Н. П. Румянцовъ. Въ изъявленіе отличнаго своего расположенія къ жителямъ здѣшняго города, онъ тогда же подарилъ опому собраніе книгъ для составленія общественной городовой библіотеки и назначилъ тому, кто будетъ имѣть за нею смотрѣніе, по 300 р. въ годъ. Сегодня, іюля 26 числа, библіотека сія для общественнаго употребленія открыта; опую составляютъ книги разнаго содержанія, касающіяся до россійскаго законовѣдѣнія, россійской и всеобщей исторіи, коммерціи, путешествій россійскихъ мореплавателей кругомъ свѣта и ученыхъ мужей въ Россіи, наконецъ относящіяся до разныхъ частей промышленности и сельскаго хозяйства. Правила, данныя его сіятельствомъ въ руководство смотрителю библіотеки, коимъ нынѣ г. титулярный совѣтникъ Нечаевъ, между прочимъ состоятъ въ томъ, что каждый учитель города и даже пріѣзжій можетъ ежедневно, въ назначенные для сего часы, читать въ библіотекѣ книги, выбирая по реестру, который долженъ быть открытый для всякаго; книги могутъ быть также отпускаемы для чтенія на домъ

съ росписко̀ю, по не свыше двухъ или трехъ вдругъ и не болѣе, какъ на одну недѣлю. Великолуцкое дворянское и купеческое общество приняло сіе полезное учрежденіе съ чувствами особенной благодарности къ учредителю, который, уже какъ извѣстно, многими дѣяніями ознаменовалъ истинную любовь свою къ отечеству и усердіе къ общей пользѣ».

Графъ Румянцовъ вполнѣ понималъ важность и значеніе публичныхъ библіотекъ для народнаго образованія, и онъ былъ въ этомъ, какъ и во многихъ отношеніяхъ, выше своего времени и даже опредѣлилъ государственныхъ мужей западной Европы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ людей современной Франціи, Вите, въ рапортѣ французскому министру внутреннихъ дѣлъ высказывалъ: *о необходимости учрежденія публичныхъ библіотекъ во всѣхъ городахъ Франціи.*

«Долго еще къ числу обязанностей правительства,—писалъ Вите министру—будетъ принадлежать распространеніе просвѣщенія въ государствѣ; безъ сомнѣнія правительство прежде всего должно уважать труды и усилія отдѣльныхъ лицъ, давать имъ полную свободу и возможность дѣйствовать;

но и оно само обязано приняться за работу. Библіотеки могутъ сдѣлаться могущественнымъ средствомъ народнаго просвѣщенія; все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы умѣть ими пользоваться. До сихъ поръ они были предоставлены сами себѣ и обратились почти въ кладовыя, вышедшія изъ моды и лишенные потребителей, — надобно имъ дать жизнь, связавъ ихъ съ нашимъ настоящимъ. Посмотрите—продолжаетъ Витте—что происходитъ въ частныхъ для чтенія библіотекахъ. Многіе люди, непомышлявшіе о чтеніи, незамѣтно сами для себя, становятся читателями газетъ; вскорѣ у нихъ укореняется привычка къ чтенію; отъ газетъ они переходятъ къ роману. Въ читальномъ кабинетѣ нѣтъ ничего имъ больше, и потому они по неволѣ должны остановиться. Но если-бы вокругъ нихъ были полки съ книгами историческими, статистическими, географическими, имъ бы навѣрное пришла бы охота заглянуть въ эти книги, хотя-бы для справки о мѣстахъ и народахъ, о которыхъ говорится въ газетныхъ статьяхъ. Прежде всего нужно заставить публику ходить въ библіотеки и уже навѣрное книги будутъ читаться».

Ежели, по словамъ Витте, представляется еще надобность во Франціи пріохочивать къ чтенію и завлекать публику въ библіотеки, то что же

сказать о той же и, быть можетъ, болѣе настоятельной необходимости учреждать публичныя библіотеки во всѣхъ городахъ Россіи, для пробужденія въ провинціальныхъ жителяхъ желанія къ чтенію и для отвлеченія ихъ отъ посѣщенія мѣстъ, столь вредно дѣйствующихъ на народную нравственность.

Изъ нашихъ государственныхъ сановниковъ баронъ М. А. Корфъ вполнѣ оцѣнилъ стремленія графа Н. П. Румянцова, относительно распространенія библіотекъ въ Россіи и вполнѣ понялъ высшій взглядъ Вите въ административномъ отношеніи повсемѣстнаго учрежденія библіотекъ и, вѣроятно, если-бы долѣе продлилось управленіе его Императорскою публичною библіотекою, въ званіи директора ея, онъ успѣлъ бы своими неутомимыми стараніями оживить любовь къ чтенію и въ провинціальныхъ библіотекахъ, какъ оживилъ полупустынныя залы Императорской публичной библіотеки, обратившейся при его предшественникахъ въ учрежденіе, отсталое отъ всего современнаго. Кому неизвѣстно, что въ настоящее время читальная зала Императорской публичной библіотеки составляетъ любимое мѣсто для чтенія публики, стеченіе которой было столь многочисленно, что старая прежняя зала оказалась недо-

статочною и часто въ ней недоставало мѣстъ для посѣтителей. Теперь ново-выстроенная зала устраняетъ прежнія неудобства и, представляя весь комфортъ для занимающихся въ ней, она открыта для желающихъ пользоваться сокровищами Императорской публичной библіотеки, съ 10 часовъ утра до 9 часовъ вечера въ продолженіи цѣлаго года, за исключеніемъ одного іюля мѣсяца, необходимаго для ремонтныхъ работъ.

Къ сожалѣнію, въ Россіи, кромѣ Петербурга, нѣтъ другой подобнымъ образомъ устроенной публичной библіотеки. Московскій Румянцовскій музей со временемъ, при увеличеніи средствъ, будетъ вторымъ публичнымъ источникомъ для пріобрѣтенія свѣденій по всѣмъ частямъ наукъ, такъ какъ съ каждымъ годомъ и его богатства увеличиваются, сосредоточивая въ своихъ залахъ цѣлыя частныя коллекціи.

Съ подчиненіемъ въ настоящее время всѣхъ провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ министерству внутреннихъ дѣлъ и съ передачею ихъ въ завѣдываніе главнаго управленія по дѣламъ печати, можно надѣяться, что положеніе ихъ улучшится и просвѣщенное начальство окажетъ имъ всевозможное содѣйствіе, чтобы выйти изъ того

неблестящаго положенія, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время.

Нельзя съ благодарностію не сказать еще нѣсколько словъ о баронѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ, какъ преемникѣ библіографическихъ трудовъ графа Румянцова, которому библіографія русская и библіотечное дѣло въ Россіи столько обязаны и котораго дѣятельность по этимъ частямъ извѣстна за границею. Заграничные библіографы и книгопродавцы—антикваріи считали себѣ за честь быть съ нимъ въ сношеніяхъ и чрезъ посредство его, какъ директора библіотеки, спѣшили заявлять свои услуги въ пользу нашего публичнаго книгохранилища, получившаго теперь европейскую извѣстность, наравнѣ съ первыми библіотеками столичными въ Европѣ.

Переставъ быть официальнымъ директоромъ, онъ, какъ почетный, а скорѣе *дѣйствительный* Членъ Императорской публичной библіотеки, не перестаетъ и по сіе время заниматься приращеніемъ образованнаго имъ отдѣленія. По представленію б. министра народнаго просвѣщенія (1865), основанному на ходатайствѣ начальства Императорской публичной библіотеки, Государь Императоръ изъявилъ искреннюю благодарность барону М. А. Корфу за постоянную его заботливость объ

отечественномъ книгохранилищѣ. Кромѣ большаго числа рѣдкихъ и отчасти единственныхъ сочиненій, баронъ Корфъ подарилъ библіотекѣ богатое собраніе библіографическихъ матеріаловъ для предполагаемаго изданія систематическаго каталога книгъ Rossica, которые имъ были собираемы въ продолженіи 30 лѣтъ. При другихъ огромныхъ заслугахъ, по устройству и введенію новыхъ порядковъ въ Императорской публичной библіотекѣ, сдѣлавшихъ ее болѣе доступною для публики, образованіе въ ней отдѣленія Rossica, увѣковѣчиваетъ память барона Корфа и всегда будетъ возбуждать чувства благодарности за сосредоточеніе въ одномъ мѣстѣ всѣхъ печатныхъ матеріаловъ о Россіи.

Библіотечная зала, гдѣ помѣщается отдѣленіе иноязычныхъ писателей о Россіи, по Высочайшему повелѣнію, названа *залою барона Корфа* и украшена портретомъ самаго собирателя драгоцѣнныхъ матеріаловъ для изученія нашего отечества. Кругомъ рамы портрета, посреди орнаментальной рѣзьбы, обозначены имена лицъ, служившихъ въ библіотекѣ при баронѣ Модестѣ Андреевичѣ.

При неуклонномъ стремленіи собрать всѣ печатные матеріалы о Россіи, отечественное отдѣленіе хотя и сосредоточиваетъ въ себѣ уже до

30,000 названій, но, не смотря на такое богатство, находятся въ немъ большіе пробѣлы. Огромнаго количества книгъ на русскомъ языкѣ недостаетъ также въ русскомъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки, преимущественно книгъ, изданныхъ въ царствованія: Императрицы Екатерины II и Александра I-го. Случается даже, что и книги изданныя съ 1825 — по 1850 годъ, тоже не имѣются въ ней, при несоблюденіи нѣкоторыми цензурными комитетами постановленій о передачѣ въ Императорскую публичную библіотеку двухъ экземпляровъ каждаго вновь выходящаго съ печати сочиненія.

Въ теперешнее переходное время помѣщичьи библіотеки и архивы остаются безъ всякаго присмотра и часто подвергаются истребленію отъ невѣжественной дворовой прислуги. На ученыхъ провинціальныхъ учрежденіяхъ лежитъ прямая обязанность заботиться о предупрежденіи возможныхъ утратъ памятниковъ нашей древней письменности и вообще отечественныхъ древностей. Если для сбереженія сихъ послѣднихъ устроены уже *археологическіе съѣзды*, то и для учрежденія центральныхъ складовъ съ цѣлію сбереженія остающихся безъ всякаго попеченія архивовъ и библіотекъ, оставленныхъ на произволъ невѣжества, слѣдо-

вало бы устроить періодическіе *библіографическіе съѣзды*. Если у насъ есть уже общества по всей Россіи для покровительства животнымъ, то неужели не можетъ образоваться кружокъ людей для покровительства мысли нашихъ предковъ, выразившейся въ литературныхъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ отъ нихъ. Государственный канцлеръ гр. Румянцовъ составлялъ собою какъ бы притягательную силу, около которой группировались личности, оживленныя любовью къ старинѣ и безъ офиціальнаго названія общества составлялъ собою общество. Ежели усилія частныхъ лицъ: П. И. Свиньина, М. П. Погодина, графа О. П. Толстаго, В. В. Ундольскаго, Лукашевича, Царскаго, А. Н. Неустроева и другихъ собирателей, увѣнчались громадными успѣхами, то какихъ успѣшныхъ результатовъ можно ожидать отъ усилій отдѣльныхъ кружковъ въ разныхъ полосахъ Россіи, дѣйствующихъ и стремящихся неуклонно къ осуществленію одной и той же идеи и къ достиженію предположенной цѣли. Дай Богъ, чтобы эти pia desideria скоро осуществились и нашлись новые Румянцовы для сбереженія и изданія памятниковъ отечественной старины.

Многимъ изъ современниковъ графа Николая Петровича казалось страннымъ, что государствен-

ный канцлеръ, столь близкій Государю сановникъ, столь богатый вельможа, дорожилъ клочками едва удобно разбираемыхъ бумагъ, собиралъ обрывки пергаментныхъ переплетовъ и разныхъ харатейныхъ листковъ, на которыя мало кто обращалъ вниманія, и на которыхъ значились слова мало кому понятныя. Но именно эти самые листки и клочки увѣковѣчили имя Румянцова и кто изъ его современниковъ, сановныхъ бояръ, могъ подумать, что изъ клочковъ древнихъ рукописей онъ составитъ величественное зданіе, которое просвѣтитъ отечественную исторію и составитъ несокрушимый памятникъ его имени.

Постараемся теперь указать: въ чемъ именно состояли его заслуги на пользу просвѣщенія и какія онъ принималъ мѣры для спасенія погибавшихъ историческихъ матеріаловъ.

Для достиженія этой цѣли прежде всего укажемъ на мнѣнія о немъ современныхъ, мнѣнія очевидцевъ его трудовъ, о которыхъ мы потомки судимъ только по наслышкѣ и по его изданіямъ.

Дѣянія графа Николая Петровича возбуждали удивленіе въ его современникахъ, какъ извѣстно не всегда любящихъ относиться съ должною похвалою о современныхъ имъ дѣятеляхъ.

Укажемъ здѣсь на одного изъ современниковъ канцлера, извѣстнаго изслѣдователя Кормчей Книги, барона Густава Андреевича Розенкампфа, который, въ письмахъ къ преосв. Евгенію, митрополиту кіевскому, 25 апрѣля 1825 года, выражаетъ свое глубокое уваженіе къ заслугамъ графа Румянцова, слѣдующими словами:

«Nous devons au Comte Roumiantzow beaucoup, entre autre l'impression de vos ouvrages; il est seul de nos grands seigneurs (depuis qu'il en existe) pour qui ces objets ont eu taut d'intéret et qui a tant fait pour l'histoire et pour toutes les sciences auxiliaires de cet étude. Si aprés un Ministère aussi brillant, que celui, qu'il a quitté au regret de tous ceux, qui savaient l'apprécier, comme homme d'état, homme de lettres, le chancellier voulait couronner sa carrière, en fondant les moyens d'exploiter une mine presque abandonnée avant lui, il erigerait un monument aëre perennius et le ciseau de Thorwaldsen ou de Goethe transmettrait à la postérité reconnaissante la musée de l'histoire, comme Canova lui a transmis celle de la paix...»*).

*) «...Мы обязаны гр. Румянцову многимъ, и между прочимъ, изданіемъ нѣкоторыхъ сочиненій и вашего преосвященства. Онъ одинъ только изъ нашихъ вельможъ, для котораго подобные

Академикъ Кругъ, въ біографіи Лерберга, говоритъ:

«Скажемъ съ глубокимъ почтеніемъ о графѣ Николаѣ Петровичѣ, не какъ богатомъ и сильнымъ своимъ вліяніемъ вельможѣ, который обращаетъ иногда благосклонные свои взоры на заслуживающаго уваженія достойнаго ученаго, но какъ о мужѣ, который будучи самъ любителемъ древней исторіи своего отечества, почуствовалъ желаніе запяться этимъ любимымъ своимъ предметомъ, при содѣйствіи ученаго Лерберга.

«Пріятно было видѣть у постели скромнаго труженика канцлера россійской имперіи, не обнаруживавшаго ничего, кромѣ своихъ познаній, кромѣ прекрасныхъ чувствъ состраданія къ своему сотруднику».

Графъ Румянцовъ, предпринимая столько изданій, не могъ не искать себѣ сотрудниковъ и

историческіе труды имѣютъ интересъ и значеніе и которымъ столь много сдѣлано для исторіи и вспомогательныхъ ея наукъ. Оставивъ столь важный министерскій постъ, къ крайнему сожалѣнію тѣхъ, которыя умѣли его цѣнить, какъ государственнаго сановника, просвѣщеннаго человѣка, онъ желалъ увѣковѣчить свое поприще доставленіемъ средствъ для разработки историческихъ рудниковъ, почти забытыхъ до него. Своими пожертвованіями онъ воздвигнулъ памятникъ прочнѣе бронзовыхъ и Торвальдсенъ или Гете въ лицѣ его изобразятъ благодарному потомству музу исторіи, какъ Канова, по его заказу, воспроизвелъ статую мира».

умѣлъ обласкать каждаго, заставлялъ полюбить себя, поощрялъ, ободрялъ и содѣйствовалъ всѣмъ благимъ предпріятіямъ и въ отечествѣ и за границею. Въ императорской парижской публичной библіотекѣ извѣстный эллепистъ Газе, (онъ же и библіотекарь), открылъ отрывокъ рукописи Льва Діакона, современника великаго князя Святослава Игоровича. Левъ Діаконъ, по словамъ Газе, находился въ станѣ императора Василія II, во время похода противъ Болгаръ и оставилъ описаніе о наружномъ видѣ великаго князя Святослава Игоревича, вѣроятно со словъ того очевидца, который находился при императорѣ Іоаннѣ Цимійскомъ, когда сей подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ было свиданіе этихъ государей и на которое черезъ Дунай переплывалъ Святославъ.

Рукопись эта не могла не заинтересовать канцлера и его иждивеніемъ она была издана въ Парижѣ, и потомъ напечатана въ Петербургѣ, въ переводѣ на русскомъ языкѣ, сдѣланномъ библіотекаремъ И. И. библіотеки, русскимъ эллепистомъ Поповымъ.

Митрополитъ Кіевскій Евгеній, тогда еще архіепископъ Псковскій, въ письмѣ къ канцлеру, превознося его благодѣянія, изливавшіяся не на однихъ только соотечественниковъ, но и на иностран-

цевъ, содѣйствовавшихъ объясненію русской исторіи, между прочимъ объяснялъ, что изданіе Газе не вполнѣ его удовлетворило, по недостатку историческихъ примѣчаній; но что находилъ онъ неприличнымъ помѣщеніе въ заглавіи книги лилейнаго французскаго герба, книги, изданной на русскіе червонцы, а не на счетъ французскаго короля.

Весьма легко объяснить это непріятное чувство преосвященнаго Евгенія, при видѣ французскаго герба, который ему напомнилъ 1812 годъ и всѣ бѣдствія, обрушившіяся тогда на Россію, какъ бы въ наказаніе за французолюбіе русскихъ вельможъ.

Кромѣ Газе и другой оріенталистъ Сенъ-Мартенъ, по порученію канцлера, розыскивалъ повсюду матеріалы для русской исторіи, приводилъ въ порядокъ выписки изъ восточныхъ писателей и просилъ доставить ему въ Парижъ выписки, сдѣланныя и въ С.-Петербургѣ академикомъ Френомъ, а въ Вѣнѣ—Гаммеромъ.

Когда, по Высочайшему повелѣнію Александра I-го, стараніями графа Уварова было пріобрѣтено знаменитое собраніе восточныхъ рукописей у французскаго консула въ Египтѣ и подарено Государемъ Академіи Наукъ, то канцлеръ

не преминулъ поручить академику Френу—сдѣлать нѣмецкій переводъ съ этихъ рукописей, заключавшихъ въ себѣ драгоцѣнныя источники для изученія исторіи древней Россіи, и приготовить извлеченіе изъ нихъ статей, касающихся до Россіи, по образцу собранія византійскихъ историковъ Стриттера.

Вѣнскій оріенталистъ Гаммеръ, получивъ отъ канцлера *сибирскія* надписи, собранныя Спаскимъ, признавался въ письмѣ своемъ по этому поводу, что не былъ въ состояніи разбирать языка надписей и при этомъ сообщалъ къ свѣдѣнію, что отыскана имъ поэма, на восточномъ языкѣ написанная въ 943 году, въ которой значатся слова: *«какъ же греки и русскіе могли бы себѣ представить, что они возьмутъ непобѣдимую крѣпость въ Сиріи»*. Изъ этихъ словъ Гаммеръ заключалъ, что прежде половины X вѣка русскіе вели войну въ этомъ краѣ, какъ союзники грековъ. Этотъ оріенталистъ дѣлалъ разныя выписки изъ восточныхъ рукописей.

Академикъ Френъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ графа Румянцова, въ 1827 году въ Петербургѣ, изъ переписки Гаммера съ канцлеромъ, напечаталъ извлеченіе подъ заглавіемъ: Sur les origines Russes. Extraits de Ma-

nuscrits orientaux, adressés à M-gr le comte N. de Romanzoff Chancellier de l'empire de Russie, Dans une suite de lettres, depuis l'an 1816 jusqu'a l'an 1825 par J. de Hammer. Сочиненія и статьи, въ которыхъ упоминалось о Россахъ, весьма интересовали графа. И на одну такую статью, найденную имъ въ географіи, составленной древнимъ персіанпномъ, обращаетъ онъ особенное вниманіе, и, какъ мы увидимъ ниже, его весьма занималъ вопросъ о происхожденіи Руси.

Для разрѣшенія этого вопроса искалъ онъ повсюду рукописей не только на Востокѣ, но и на Западѣ, даже на его счетъ Газе совершилъ библіографическую поѣздку въ Испанію для открытія въ тамошнихъ монастыряхъ рукописей на арабскомъ языкѣ.

Интересуясь первопачальною исторіею Кавказа и Грузіи, графъ, не щадя средствъ, пріискивалъ вездѣ нужные для того рукописные матеріалы; грузинскія и армянскія рукописи отыскивались для него повсюду, гдѣ только представлялась вѣроятная возможность найти ихъ.

Рядомъ съ поисками восточныхъ рукописей у него идетъ переписка со славянами о рукописяхъ церковно славянскихъ.

По порученію Румянцова Вукъ Стефановичъ

Караджичъ описывалъ сербскія грамоты, сообщалъ ему свѣденія о памятникахъ сербской литературы, отвѣчалъ на предложенные ему вопросы о томъ: извѣстны ли Сербамъ разныя лица и имена народовъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ, также разныя древнія слова въ нихъ встрѣчающіяся и какія есть у Сербовъ Святые, не помѣщенные въ Русскихъ мѣсяцесловахъ.

Профессоръ библіографіи и библіотекарь Краковскаго университета Самуилъ Бандтке, котораго «*Исторія Польскаго Королевства*» переведена на русскій языкъ, 1 декабря 1818 года изъ Кракова пишетъ графу Румянцову письмо, адресуя его къ нему, какъ *знаменитьйшему* и *просвѣщеннѣйшему мужу*.

«Удостойте, сіятельный графъ, вы, который составляете украшеніе русскаго народа, славнѣйшаго между племенами славянскими, удостойте принять мои труды съ свойственнымъ вамъ снисхожденіемъ. Вмѣстѣ съ симъ позвольте мнѣ, надѣясь на вашу благосклонность, донести здѣсь вашему сіятельству о такомъ предметѣ, который относится къ ученымъ изысканіямъ въ разсужденіи славянъ, а слѣдовательно и русскихъ».

Книга, на которую Бандтке обращалъ вниманіе графа—это было его же сочиненіе: «*Исто-*

рія Краковской типографіи», въ которой упоминается о славянской книгѣ кирилловской печати октоихъ или осьмигласникъ св. Іоанна Дамаскина, напечатанномъ въ 1401 году въ Краковѣ Свебольдомъ Фіолемъ и хранившемся въ Бреслау въ общественной Ридигеровой библіотекѣ.

«Правда — писалъ Бандтке — я узналъ изъ журнала Бакмейстера и изъ ученой переписки Іосифа Добровскаго, что краковскій псалтырь или часословъ купленъ былъ гр. Толстымъ, но признаюсь, подлинное и полное заглавіе этой книги мнѣ стало извѣстнымъ только изъ благосклоннаго отзыва вашего сіятельства».

Изъ этого видимъ, что графа до того занимала славянская библіографія, что онъ даже переписывался съ однимъ изъ лучшихъ ея знатоковъ, библіотекаремъ краковскаго университета.

Но всего пріятнѣе читать въ письмѣ Бандтке, что онъ съ удовольствіемъ занимался изученіемъ кирилловской азбукой и узнавъ въ совершенствѣ русскій языкъ, какъ самъ признавался въ письмѣ: «полюбилъ русскую словесность (она того стоитъ), такъ какъ свою отечественную».

Съ какою радостью въ этомъ же письмѣ заявляетъ онъ, что статья его о польско-русской и чешской литературѣ, напечатанная въ Варшав-

скомъ журналѣ, переведена на русскій языкъ и помѣщена въ Вѣстникѣ Европы за 1815 годъ.

«Мнѣ остается сожалѣть — оканчиваетъ онъ письмо—что я не такъ хорошо знаю прекрасный русскій языкъ, чтобы въ состояніи былъ писать чисто по русски. Однако, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы исторія Свебольда Фіоля, которую почерпнулъ я изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, сдѣлалась извѣстною и русскимъ ученымъ, такъ какъ и другія книги кирилловской печати и славянскія, напечатанныя въ Польшѣ до времени короля Сигизмунда III т. е. 1588 по 1636 годъ».

Изданіе «*Русской Правды*», совершенное, подъ руководствомъ знаменитаго филолога Линде *), Раповѣцкимъ, не могло ускользнуть отъ вниманія канцлера и онъ, находя въ немъ весьма любопытныя изысканія о древнихъ славянахъ, прика-

*) Линде издалъ извѣстный всему славянскому міру Словарь славянскихъ нарѣчій, изъ которыхъ одинъ томъ былъ посвященъ Государю Императору Александру 1-му. Словарь этотъ, по своей рѣдкости, недавно дополненъ и напечатанъ вторымъ изданіемъ въ Львовѣ обществомъ ученыхъ въ 6 томахъ и стоитъ всего 18 руб. сер. Желающіе пріобрѣсть его могутъ обращаться съ своими требованіями къ пишущему сіи строки, которому прислано изъ публичной Львовской библіотеки на коммиссіи нѣсколько экземпляровъ. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія призналъ пріобрѣтеніе словаря Линде необходимымъ для университетскихъ библіотекъ и полезнымъ для гимназическихъ.

залъ перевести на русскій языкъ трудъ Раковѣцкаго.

О важнѣйшихъ историческихъ матеріалахъ, напечатанныхъ въ разныхъ польскихъ сочиненіяхъ и сборникахъ, преосв. Евгеній, по своему близкому знакомству съ польскою историческою литературою, сообщалъ къ свѣдѣнію канцлера и сей послѣдній, переводя ихъ на русскій языкъ, усвоивалъ ихъ такимъ образомъ для русской литературы, въ то время столь бѣдной еще историческими матеріалами.

Изданное въ 1781 — 83 годахъ въ Вильнѣ ксендзомъ Игнатіемъ Стебельскимъ книга на польскомъ языкѣ въ четырехъ томахъ, по богатству своего содержанія, заслуживала въ глазахъ канцлера быть извѣстною любителямъ русской исторіи и съ этою цѣлію онъ просилъ преосв. Евгенія пріискать въ Кіевѣ лицо, которое могло бы перевесть это полезное историческое сочиненіе на русскій языкъ. Къ сожалѣнію это предположеніе не осуществилось, какъ не осуществилось и другое желаніе канцлера сдѣлать извѣстнымъ въ Россіи историческое описаніе древней Польши, составленное Свѣнцкимъ, которое въ свое время было весьма замѣчательно по описанію достопа-

мятнѣйшихъ мѣстъ древней Польши въ историческомъ отношеніи.

Въ бытность въ Кіевѣ въ августѣ 1821 г., для поклоненія гробу отца своего, канцлеръ осматривалъ библіотеку Кіево-печерской лавры и какъ любознательный наблюдатель между книгами лаврскими особенное вниманіе обратилъ на одну рукопись подъ заглавіемъ *Палинодія*.

Вотъ какое опъ сдѣлалъ ей описаніе, по возвращеніи своемъ въ Гомель, въ письмѣ къ преосвященному Евгенію.

«Она писана очень мѣлкимъ письмомъ, а совсѣмъ тѣмъ составляетъ претолстую книгу; почеркъ литтеръ русскихъ такъ похожъ на греческій, что я долго при слабомъ зрѣніи за греческое сочиненіе книгу сію принималъ; надпись показываетъ, что она дана лаврѣ митрополитомъ *Гавріиломъ*, который былъ изъ грековъ; сочиненіе сіе опричь богословскаго достоинства обличаетъ въ сочинителѣ пространныя свѣденія въ исторіи; я для себя выписалъ нѣкоторыя малыя статьи о раздорѣ, коему виновникъ былъ Михаило Келулярій; сей списокъ къ вамъ препровождаю, прося по прочтеніи мнѣ его возвратить. Ежели не случилось вамъ прочесть всего сочиненія, то сія выписка подать вамъ можетъ объ немъ нѣкото-

рое понятіе и, отягощая васъ безъ мѣры, препровождаю также любопытную статью о *католическомъ святомъ Іакинѳѣ*, который, по утвержденіи ихъ, въ такомъ былъ уваженіи въ Кіевѣ при *Владимірѣ Мономахѣ* и прошу сію тетрадку мнѣ возвратить, снявъ съ нее списокъ, коли то вамъ угодно».

Затѣмъ препровождая къ нему повѣсть о Лже-Димитріѣ, купленную въ Москвѣ, канцлеръ пишетъ:

«Вы найдете въ отмѣткахъ руки Калайдовича, что сочинитель заслуживаетъ довѣріе потому, что внесенные имъ акты большую точность имѣютъ съ тѣми, которые хранятся въ государственномъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а я могу добавить мѣстное доказательство, что сочинитель истинно свѣдущъ былъ. Вы изволите найти, что Лже-Димитрій, находясь въ непроходимомъ Лоевскомъ лѣсу, и, повстрѣчаясь съ крестьяниномъ, въ испугѣ его спросилъ, гдѣ онъ находится въ Россіи ли еще или за границею, и получилъ въ отвѣтъ, что въ Польшѣ и во владѣніи гг. Волловичей; а я могу вамъ свидѣтельствовать, что сей тогда, такъ называемый *Лоевскій* лѣсъ, нынѣ слыветъ *Хальнскимъ*, мнѣ принадлежитъ и отдѣляется отъ мѣстечка Лоева единственно Днѣп-

ромъ и теперь пустъ и малоудобенъ къ прохожденію, на самой же его границѣ и нынѣ существуетъ очень малая деревушка, принадлежащая и теперь г. Волловичу».

На просьбу преосвященнаго Евгенія о дозволеніи напечатать эту рѣдкость въ «*Сѣверномъ Архивѣ*», издаваемомъ Булгаринымъ, вотъ какой оригинальный отвѣтъ получилъ онъ отъ канцлера.

«Все, что къ вамъ я доставлялъ, вы конечно властны вносить въ собственныя ваши сочиненія, упоминаніемъ, ссылками и даже полною копіею съ документовъ; но покорно васъ прошу навсегда *не передавать другимъ*, именно *сочинителямъ журналовъ*; я не хвалю по журналамъ историческихъ преданій разсѣянность, хотя я обѣщалъ и самъ сочинителю «*Сѣвернаго Архива*» нѣкоторое вспоможеніе, я намѣренъ передать ему древнее, нынѣ только отысканное, описаніе свадьбы и пировъ, которыя Отокаръ Богемскій король пріѣзжалъ давать въ Вѣнѣ; на хвастовство, за столомъ упомянуты въ числѣ гостей три царя, между ими одинъ *русскій* съ присовокупленіемъ, что онъ держитъ свою корону подъ рукою короля венгерскаго, женихова отца и это точно въ Галиціи господствующій русскій великій князь».

По поводу купленнаго канцлеромъ въ Одессѣ

рѣдкаго Евангелія въ большую четверку на пергаменѣ, съ раскрашенными изображеніями, которой древность трудно было опредѣлить, преосв. Евгеній, признавая евангеліе важнымъ памятникомъ, достойнымъ изслѣдованія въ палеографическомъ отношеніи, для опредѣленія достоинства рукописи рекомендовалъ канцлеру скромнаго знатока русской палеографіи, служившаго въ п. и. библіотекѣ Востокова, извѣстнаго своими глубокими свѣденіями, въ палеографіи. Совершенно другаго мнѣнія былъ преосвященный Евгеній, объ Оленинѣ и Ермолаевѣ.

Открывъ въ Юрьевскомъ монастырѣ древнюю Мстиславову грамату и сдѣлавъ къ ней примѣчанія, Евгеній посвятилъ свой трудъ графу Румянцову, но, пишетъ онъ Анастасевичу, завистники Оленинъ съ Ермолаемымъ сказали графу, что объясненія его не полны. «Изданія Лаврентьевской лѣтописи, далѣе объясняетъ Евгеній въ письмѣ къ нему же, мы не дождемся конца отъ Ермолаева. Это обыкновенный порокъ полипрагматиковъ все начинающихъ и обѣщающихъ, но ничего не оканчивающихъ».

Въ другомъ письмѣ къ тому же Анастасевичу между прочимъ, говоритъ: «Поздравляю васъ знакомствомъ у графа съ Олениным и Карамзинымъ;

но они бояре въ литературѣ и съ меньшими не скоро сблизятся. Ермолаевъ, завистникъ всѣмъ древностолюбцамъ, не допуститъ васъ близко до перваго».

О Востоковѣ Графъ Румянцовъ писалъ преосвящен. Евгенію:

«Давно уже я стараюся, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ оттого отказывался всегда тѣмъ, что будучи страшный зайка, очень страждетъ съ незнакомыми людьми, но далъ однакоже мнѣ обѣщаніе сдѣлать для меня изъ манускриптовъ бывшей Залусскаго библіотеки извлеченіе грамотъ нашихъ великихъ князей, коихъ мы не имѣемъ, и напечатать ихъ на мое иждивеніе, подъ его надзоромъ, но что жъ? Болѣе года миновало, а я не получилъ, какъ о томъ домогался, имъ хотя и несовершенную роспись; тотъ же духъ который недопускаетъ меня видѣть появленія изданія Лаврентьева лѣтописца, мнѣ и тутъ вредитъ».

«Я въ самой большей цѣнѣ держу давно г. Востокова. А. И. Ермолаевъ и онъ, конечно бы могли составить съ большимъ успѣхомъ *россійскую палеографію*, а силы преусерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому недостаточны».

«Востокова обѣщанія вашему с-ву велики, отвѣчаетъ графу Евгеній, но онъ такъ занятъ или лучше сказать развлеченъ многими должностями, что ничѣмъ пристально не занимается, а сверхъ того и въ трудахъ медленъ и лѣнивъ» *).

Извѣстно, что типографія Императорской Академіи Наукъ на всероссійскую мануфактурную выставку приготовила на 324 языкахъ «*Отче нашъ*, изобразивъ его разными шрифтами, имѣющимися въ академической типографіи. Это роскошное изданіе даетъ намъ понятіе о богатствѣ шрифта и степени совершенства печати въ академической типографіи, но, при дороговизнѣ изданія (2,000 р.) оно ничего не представляетъ въ научномъ отношеніи. Графъ Н. П. Румянцовъ и безъ выставки предполагалъ сдѣлать изданіе «*Отче нашъ*» но только въ *палеографическомъ* отношеніи.

Вотъ что онъ писалъ, по этому поводу, изъ Гомеля 26-го генваря 1822 года, къ преосвящ. Евгенію.

«Замѣтивъ, что въ находящемся пергаменномъ спискѣ *Апокалипсиса* прибавлена *молитва Господня*, которая не только разнствуетъ въ нѣкоторыхъ ея членахъ, въ изрѣченіяхъ, но даже и въ

*) Развлеченіе многими должностями есть какъ бы наслѣдственная болѣзнь нашихъ библіотекарей.

смыслѣ прошенія съ тою молитвою, которую мы нынѣ читаемъ, называя ее «*Отче нашъ*»... мнѣ пришло на мысль, но признаюсь впервые, повѣрить, какъ сей «*Отче нашъ*» писался въ старину и находится въ харатейныхъ спискахъ Евангелія. Изъ многихъ таковыхъ мнѣ принадлежащихъ, я здѣсь имѣю только холмское и нашелъ въ немъ молитву Господню согласно прописанную, какъ при древнемъ апокалипсисѣ, что усмотрѣть изволите изъ приложенныхъ списковъ. Теперь выходитъ вопросъ, по которой вѣкъ такъ писалась молитва Господня и когда она переправлена на тотъ ладъ, по которому мы ее теперь съ Евангеліемъ единообразно видимъ; не со временъ-ли начатія въ Острогѣ печатанія книгъ сія перемѣна началась и единообразіемъ утвердилась? Очень бы полезно было пересмотрѣть и списывать молитву Господню изъ всѣхъ харатейныхъ евангелій съ обозначеніемъ по возможности сихъ рукописей вѣка. Препорученіе таковое я уже далъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ; по возвращеніи своемъ въ Петербургъ просить буду А. И. Ермолаева таковую повѣрку и сличеніе сдѣлать, но истинная моя надежда на ваше преосвященство. Покорно васъ прошу велѣть въ соборахъ самаго Пскова и уѣздныхъ епархіи вашей городовъ, также и въ мо-

пастырях, гдѣ только находятся харатейныя рукописныя Евангелія, выписать изъ нихъ молитву Господню и списки таковые къ вамъ доставить; а я, давно избалованный вами, надѣюсь, что вы не отречетесь меня ими подарить, присовокупя къ нимъ свое ученое замѣчаніе». Къ сожалѣнію, не сохранились слѣды, успѣлъ-ли Румянцовъ осуществить мысль, повѣрить «*Отче нашъ*» по харатейнымъ спискамъ; но едва ли, ибо скорый выѣздъ преосв. Евгенія изъ Пскова въ Кіевъ воспрепятствовалъ сему послѣднему заниматься палеографическими розысканіями. Хотя и неосуществленная мысль Румянцова достойна обратить на себя вниманія нашихъ палеографовъ. Не можемъ не заявить и о другой мысли графа Румянцева, съ которою онъ обращался къ преосвященному Евгенію и которая къ сожалѣнію осталась не исполненною.

«Давно питаю мысль важную, которая приготовила бы для будущаго полнаго сочиненія Россійской исторіи всѣ нужные элементы; я бы желалъ составить общество писцевъ, которымъ бы одна особа читала постепенно всѣ печатныя русскія лѣтописи, а каждый бы изъ нихъ обложенъ будучи особымъ трудомъ, вносилъ бы въ свою тетрадь выписку того только, что къ его труду при-

надлежитъ, напримѣръ: *одинъ* занимался бы извлеченіемъ изъ лѣтописцевъ всѣхъ безъ изъятія упоминаемыхъ лицъ; *другой* всѣхъ географическихъ упоминаній областей, градовъ, селъ, горъ, рѣкъ и урочищъ, дабы можно было изъ сихъ двухъ статей составить два лексикона; *третій* бы въ свою тетрадь единственно вписывалъ бы всѣ обстоятельства, касающіяся до порабощенія нашего татарамъ, съ упоминаніемъ всѣхъ татарскихъ лицъ безъ изъятія; *четвертый* въ свою тетрадь вносилъ бы выписку всѣхъ статистическихъ статей, т. е. извѣстій о налогахъ, о доходахъ, о монетахъ, о разныхъ цѣнахъ хлѣба и иныхъ припасахъ, однимъ словомъ — все, что принадлежитъ къ государственному и личному хозяйству и такъ далѣе. Таковыя полныя выписки изъ всѣхъ лѣтописцевъ, окончательно будучи приведены въ согласный хронологическій порядокъ и напечатаны особо, много бы облегчили трудъ будущихъ писателей Россійской исторіи или изслѣдователей нѣкоторыхъ только ея древностей.

«Писцы нужны, но еще нужнѣе, чтобы весь сей трудъ начался и продолжался, подъ надзоромъ мудраго вѣдателя Россійской исторіи, который, при самомъ бы началѣ такого труда, далъ по каждой

части ей, приличное направленіе и проложилъ бы путь къ успѣху.

«Съ робостью исповѣдую предъ вами, что я очень успокоенъ бы былъ на счетъ удачи такого предпріятія, ежели бы можно было выбрать въ Псковской семинаріи на то способныхъ людей; я готовъ о воздаяніе за ихъ трудъ съ ними войти въ соглашеніе, а духъ тотъ, который бы ходъ сему дѣлу далъ, въ особѣ вашего преосвященства, а не въ иной отыскать только можно. Мысль мою предаю разсужденію вашему, но позвольте то прибавить, что я жажду видѣть ее исполненною».

Преосвященный Евгеній признавалъ мысль—составить изъ лѣтописей выписки географическія, историческія и статистическія—весьма важною и драгоцѣнною для нашей исторіи, но исполненіе се находилъ превышающею силы одного человѣка, особливо занятаго должностью и другими дѣлами.

По мнѣнію преосвященнаго Евгенія, планъ Румянцова могъ быть исполненъ гораздо проще. Раздавъ лѣтописи по одиночкѣ многимъ для прочтенія, подчеркнуть разноцвѣтными карандашами разныя матеріи, а съ сихъ подчерковъ удобно можно все списать по разнымъ тетрадямъ и одинъ писецъ на каждую лѣтопись. Механическій трудъ, чрезъ такое раздѣленіе, могъ бы сдѣлаться не

столь тяжелъ. Нужно только всѣмъ дать одинакій планъ.

Изданная однимъ нѣмецкимъ ученымъ (Гольманомъ) книжка, подъ заглавіемъ: *Рустрингія*, въ которой говорится о многомъ, имѣющемъ связь съ нашею исторіею, побудила графа Румянцова поручить И. М. Снегиреву сдѣлать съ нея русскій переводъ и вотъ, по поводу этой книги, съ какими доводами обращается онъ къ преосвященному Евгенію.

«Вы можетъ быть вспомнить изволите, что въ очень давномъ съ вами личномъ разговорѣ я показывалъ имѣть особенное заключеніе о началахъ Россіи; взгляните на прилагаемую здѣсь тетрадку о Рустрингіи и въ ней найдете, что мою тайну высказываетъ одинъ профессоръ. Я точно увѣренъ, что Рюрикъ, основатель Россіи, есть Варягъ, племянникъ того Гаральда, котораго крестилъ и его съ нимъ вмѣстѣ въ Ингельгеймѣ близъ Майнца Императоръ Лудовикъ, котораго мы такъ неправильно называемъ благочестивымъ, вмѣсто le Debonnaire. Вы конечно, вспомнить изволите, что западныя хроники, повѣствуя сіе обстоятельство, утверждаютъ, что при крещеніи симъ варягамъ Императоръ пожаловалъ во владѣніе часть Фризіи, называемой Рустрія, что нынѣшній Еверъ.

Оттоль такое подробное и почти буквальное сходство Русской Правды съ фризскими того времени законами. Оттоль столь много нижняго саксонскаго языка словъ въ языкѣ нашемъ и понятными становятся столь многіе браки нашихъ самыхъ древнихъ великихъ князей, соплетающіе ихъ съ западною имперіею и съ французскимъ королевствомъ, гдѣ дѣйствовали варяги. Рюрикъ не россъ, но владѣтель ихъ и какъ пишетъ Несторъ, *поя себѣ всю Русь перевелъ ее изъ Германской Имперіи къ намъ прежде на Ильмень;* но выжитыя оттуда республиканскимъ духомъ новгородцевъ, сіи военные промышленники поселились по ту сторону Днѣпра на его берегахъ, и та то земля во всѣхъ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ особенно почитается русью и даже именуется просто *русская.* Изъ Новгорода, когда архіерей идетъ ставится въ Кіевъ къ митрополиту, куда сказано, что пошелъ—пошелъ въ Русь. Князья по сю сторону Днѣпра, владѣющіе знатными удѣлами, жалуются, что въ Россіи «не дано имъ ни лоскутка».

По мнѣнію Евгенія вопросъ о происхожденіи Руси для своего подтвержденія потребуетъ «много еще споровъ и новыхъ доходовъ».

Предсказаніе Евгенія сбылось, ибо и бывшій публичный диспутъ въ 1860 г. въ залѣ Петер-

бургскаго университета, не разрѣшилъ этого спорнаго вопроса и каждый изъ диспутантовъ остался при своемъ убѣжденіи — а публика осталась довольна диспутомъ, напомнившимъ старинныя схоластическія словопренія.

Изслѣдованія М. П. Погодина о Несторѣ-лѣтописцѣ, а равнымъ образомъ и переводы его изъ Тунмана о Козарахъ, помѣщавшіеся въ «Вѣстникѣ Европы», обратили на него вниманіе графа Румянцова, который удостоилъ тогда молодаго еще кандидата лестныхъ писемъ, а потомъ личнаго знакомства и разныхъ ученыхъ порученій.

Управлявшій государственнымъ архивомъ быв. коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ А. Ѳ. Малиновскій былъ также посредникомъ между молодымъ ученымъ и русскимъ меценатомъ-канцлеромъ. При его посредствѣ Погодинъ совершилъ первый трудъ для графа—переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Добровскаго: *св. Кириллъ и Меѳодій*, славянскіе первоучители, напечатанный иждивеніемъ графа Румянцова. За тѣмъ вопросъ о происхожденіи Руси, сдѣлавшійся исключительнымъ предметомъ трудовъ Погодина, и возбудившій противъ него нападенія со стороны Каченовскаго, былъ вопросомъ интересовавшимъ канцлера и всѣхъ любителей отечественной исторіи.

Но и споръ и борьба продолжались почти 30 лѣтъ и главнымъ предметомъ спора одного за другимъ было: происхожденіе Руси съ сѣвера, по мнѣнію Погодина, а не съ юга, какъ думалъ Каченовскій. Достовѣрность Несторовой лѣтописи, въ которой Каченовскій сомнѣвался и которую защищалъ Погодинъ, подвержена была сомнѣнію, а также подлинность Русской Правды и прочихъ древнихъ документовъ была оспариваема.

Для рѣшенія спора о Варягахъ Погодинъ собралъ всѣ мѣста объ нихъ изъ лѣтописей и прочихъ памятниковъ и на этомъ основаніи опредѣлилъ ихъ норманское происхожденіе. Трудъ свой посвятилъ онъ Карамзину, при краткомъ письмѣ, которое начиналось такъ: «у васъ началъ я учиться добру, языку и исторіи; позвольте же посвятить Вамъ въ знакъ искреннѣй признательности первый трудъ мой» и пр.

Карамзинъ въ отвѣтѣ, отъ 25 марта 1825 года, между прочимъ, говоритъ: «усердно желаю, чтобы вы и впредь занимались такими важными для россійской исторіи предметами, къ чести вашего имени и нашей исторической литературы» и пр.

Желаніе историографа исполнилось, ибо 1 декабря 1866 году въ торжественномъ юбилѣе сто-

лѣтней памяти рожденія Карамзина онъ воздалъ достойную честь его заслугамъ, но споръ о происхожденіи Руси не прекратился, и послѣ бывшаго диспута г. Погодина съ г. Костомаровымъ *).

Смерть Анны Никитишны Нарышкиной, тетки гр. Румянцова, двадцать лѣтъ жившей у него въ домѣ, столь сильное произвела на него впечатлѣніе, что онъ долженъ былъ для развлеченія удалиться изъ Петербурга въ Новгородъ. Въ этомъ маститомъ городѣ Канцлеръ весь предался поискамъ въ библіотекахъ, лишь бы только забыть о грустной и незамѣнимой ему утратѣ лица.

Въ столь печальномъ состояніи духа пишетъ графъ изъ Новгорода въ Псковъ къ преосвященному Евгенію, письмо, отъ 8-го февраля 1820 года, въ которомъ, прося его молитвъ и утѣшенія, сообщаетъ весьма любопытное указаніе на одну арабскую рукопись, о которой мы не можетъ здѣсь умолчать.

«Я одну только имѣю арабскую рукопись, но въ ней нашлось обстоятельство очень странное. Изъ перевода сей статьи вижу, что около 18 года единицы, что составитъ 640 годъ по Р. Х. из-

*) Уже послѣ смерти графа Румянцова, пждивеніемъ его, Погодинъ въ 1826 г. издалъ сочиненіе Неймана; о жилищахъ древнихъ Руссовъ.

вѣстный Калифъ Омаръ, поручивъ войска свои Абду-Рахману иославъ дѣлать завоеванія къ ущеліямъ кавказскихъ горъ, что сей вождь, исполнивъ сіе съ успѣхомъ и, желая перейти далѣе за ущелія, навѣдывался, какіе тамъ сидятъ народы и получилъ въ отвѣтъ, что переходъ сей для войскъ его будетъ чрезвычайно труденъ, потому за ущеліями найдетъ Руссовъ и Хозаръ, по что пройдя ихъ, встрѣтитъ много городовъ и земель государства Баланджаръ именуемаго, страны Руссовъ, Яджуджей и Маджуджей, которую заградилъ Александръ Македонскій».

«Сіе раннее упоминаніе Россовъ находится въ очень извѣстномъ арабскомъ историческомъ сочиненій Табари и ни мало во вредъ моему заключенію, что Русь, которая передала намъ свое имя, часть германскаго племени и слѣдовательно не удивительно, что предки ихъ могли сидѣть между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, откуда въ Европу текли и переселились постепенно всѣ германскія колѣна; мнѣ жаль, что будучи отлученъ отъ своихъ бумагъ, не могу сіе извѣстіе дополнить обозначеніемъ того вѣка, въ которомъ сей арабскій сочинитель сію свою турецкую исторію писалъ; но онъ не изъ новѣйшихъ. Для меня въ лучшихъ краяхъ собраны нѣкоторыя бумаги до

Россіи касающіяся, не изъ западныхъ писателей или документовъ, не предувѣдомивъ о томъ меня, ни одинъ изъ сихъ ученыхъ собирателей не даетъ мнѣ знать, какого рода, какому вѣку сіи бумаги принадлежатъ. Кой часъ до меня что любопытное дойдетъ, я не премину Васъ, М. Г. о томъ увѣдомлять; я ни по разсудку, ни по сердцу не имѣю переписки, которую бы свыше цѣнилъ той, въ каковой вы съ вами меня допускать изволите».

Не менѣе интересно мнѣніе просвященнаго Евгенія объ этой рукописи, которое мы читаемъ въ слѣдующемъ его отвѣтѣ Гр. Румянцову.

«Свидѣтельство арабской рукописи Табари о Россахъ и Казарахъ, жившихъ за кавказскими горами въ 640 году, можетъ быть вѣроятно. Всѣ народы, населяющіе нынѣ Европу, вышли изъ кавказскихъ горъ и могли тамъ оставить по нѣскольку изъ своего племени, какъ Венгры допынѣ примѣтные въ Маджарахъ. А Козары до VIII вѣка занимали всю южную полосу Россіи. Византійскіе историки весьма часто Руссовъ называютъ *Таврокиѳами*, можетъ быть по древнѣйшему ихъ мѣстопребыванію у горы Тавра. Но одно названіе *Руссовъ* у арабскаго лѣтописателя, если безъ описанія ихъ, ничто намъ не объясняетъ. И даже не доказываетъ—подлинно ли это Руссы. У древ-

нихъ географовъ Rusa, Rusazus, Ruscia, Ruscino, Rusconia, Ruscuvium, Rusello, Rusibis, Rusicada, Rusium, Rusna, Rusbadium, какъ будто похожи на имя Русскихъ, но къ нимъ отнесены быть не могутъ. Легко также могло остаться, что и арабскій лѣтописатель, позднѣйшій 640 года, перевоpотилъ какое нибудь древнее названіе народа на современное уже себѣ именованіе Руссовъ; а его *Баланджеръ*, *Яджуджей*, и *Маджуджей*, жившихъ за руссами къ сѣверу и мы уже отгадать не можемъ. Вѣроятно Арабы также мастера были перековеркивать имена чужихъ народовъ и лицъ, какъ греки и французы, по своему произношенію. И такъ, не все чужое достовѣрнѣе нашего».

Изъ напечатаннаго къ редактору журнала «Сынъ Отечества» Н. И. Гречу письма отъ одного изъ его корреспондентовъ изъ Кенигсберга Шульца видно, что сей послѣдній, по порученію Графа Н. П. Румянцова дѣлалъ въ Кенигсбергскомъ архивѣ поиски разныхъ рукописей и о результатахъ своихъ поисковъ сообщилъ интересныя свѣдѣнія въ этомъ письмѣ.

«Вамъ извѣстно, пишетъ Шульцъ, что я посланъ былъ сюда, по препорученію его сіятельства графа Н. П. Румянцова, для снятій копій съ рукописей, касающихся до Россійской исто-

ріи. Я уже окончилъ сію работу и полагалъ, что предметъ моего занятія достоинъ любопытства каждаго любителя нашей исторіи, рѣшился сообщить вамъ о результатахъ моего труда...».

«Всѣ рукописи изъ Россіи въ Пруссію, или оттуда въ Россію присланныя, которыя я разбиралъ и списывалъ, составляютъ переписку между *Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ и Маркграфомъ Альбрехтомъ, Магистромъ Нѣмецкаго ордена.*»

Изложивъ предметъ переписки, Шульцъ находитъ достойными вниманія имена всѣхъ отправлявшихъ тогда дѣла царя и магистра. Со стороны перваго, по находящимся кредитивамъ въ архивѣ, нашелъ онъ слѣдующихъ: Ивана Харламова, Элеазара Сергѣева, Дмитрія Давыдова, Загряжскаго, Константина Тимофѣевича Замыцкаго, Аѳанасія Моклокова, Семена Сергѣева Левашева и Ивана Булгакова.

О славянскихъ грамотахъ, находящихся въ Кенигсбергскомъ архивѣ, Шульцъ говоритъ, что всѣ писаны на бумагѣ и нѣтъ ни одного на пергаменѣ. При всѣхъ печать изъ краснаго воска, покрытая бумагою, вырѣзанною въ квадратной формѣ и представляющей московскій гербъ, только на свернутыхъ рукописяхъ печатей не находится. Сіи послѣднія рукописи, писаны на узенькихъ

склеенныхъ бумажкахъ и имѣютъ нѣсколько аршинъ длины. Жатва отъ поисковъ другого искателя рукописей Штрандмана была гораздо обильнѣе открытій, сдѣланныхъ Шульцомъ въ Пруссіи.

Рекомендательныя письма канцлера открыли ему свободный доступъ во всѣ важнѣйшія библіотеки Аппенинскаго полуострова. Сдѣланныя Штрандманомъ списки съ актовъ и выписки изъ сочиненій, въ коихъ находились извѣстія о древней Московіи, вѣроятно, сохранились въ Румянцовскомъ музеѣ.

Нѣкоторыя изъ нихъ указаны въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія въ статьѣ Г. Старчевскаго: о заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи.

Канцлеръ справедливо догадывался, что во Флоренціи должны находится богатые матеріалы для исторіи южныхъ колоній и что флорентійскіе правители Медичи, по своей заботливости объ отечественной исторіи, не могли не обратить вниманія на Таврическій полуостровъ и на земли, прибрежныя Азовскому морю, которыя были подъ владѣніемъ Италіанцевъ и земель, лежащихъ между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, гдѣ они производили торгъ. И дѣйствительно, по стараніямъ канцлера, во флорентійскихъ архивахъ отыска-

лись 15 картъ XIII вѣка, съ которыхъ сняты были fac simile и карты эти представляютъ видъ этихъ земель въ столь отдаленную эпоку. Во Флоренціи посчастливилось канцлеру открыть подлинный актъ флорентинскаго собора, на которомъ значились подписи тѣхъ русскихъ духовныхъ лицъ, которые присутствовали на соборѣ. Съ этого акта, уцѣлѣвшаго на мѣстѣ, а не взятаго въ Ватиканскую библіотеку, сдѣланъ былъ fac-simile для канцлера, котораго еще интересовалъ доставленный ему списокъ съ описанія извѣстнаго Иездора отступника, въ которомъ изложена исторія взятія Турками Царьграда и чудеснаго его спасенія въ Кандію.

Во время поисковъ Румянцова въ заграничныхъ архивахъ, при лондонскомъ дворѣ былъ нашимъ представителемъ графъ С. Р. Воронцовъ, который, по ходатайству канцлера, испросилъ дозволеніе у англійскаго правительства снять копіи съ актовъ посольскаго архива, относящихся къ къ сношеніямъ Россіи съ Англіею, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ въ концѣ прошедшаго столѣтія.

Кромѣ выписокъ изъ посольскаго архива для Румянцова сдѣланы были списки изъ любопытныхъ документовъ, относящихся до временъ Ивана

Васильевича и преемниковъ его, и хранящихся въ библіотекѣ британскаго музея. Равнымъ образомъ и изъ Котоніанской библіотеки сдѣланы были разныя извлеченія изъ документовъ, относящихся по времени къ XVI столѣтію.

Въ Вѣнской императорской библіотекѣ, по его порученію, отысканы 114 рукописей, относящихся до исторіи Россіи, Польши и Литвы въ XV столѣтіи.

Открытія рукописей и актовъ относящихся до Россіи, хранящихся въ архивахъ парижскихъ, лондонскихъ, берлинскихъ, римскихъ, флорентинскихъ, вѣнскихъ, кенигсбергскихъ, неудовлетворили любознательности Канцлера и онъ не пренебрегая извѣстіемъ, что въ одной гимназіи шведскаго небольшаго города находятся русскія рукописи, дѣлалъ старанія добыть съ нихъ копіи, о которыхъ подробно разсказываетъ въ своихъ письмахъ Преосв. Евгенію.

У одного только Графа Румянцова могло быть столько настойчивости, дабы во всѣхъ концахъ Европы собирать всѣ извѣстія иностранцевъ, писавшихъ о Россіи и всѣ акты, относящіеся до нашего отечества. Матеріалы эти онъ намѣревался издать подъ заглавіемъ: Corpus auctorum rerum Moscovitarum, которыя должны были вмѣ-

щать въ себѣ отъ 60 до 70 авторовъ, не измѣняя ни ихъ слога, ни ихъ языка. Для сохраненія единства и хронологическаго порядка положено было раздѣлить эти матеріалы на иностранныхъ языкахъ, на три періоды: 1) отъ времени Великаго князя Іоанна III до великаго князя Ѳеодора. 2) время междуцарствія и 3) отъ восшествія на престолъ дома Романовыхъ до императора Петра 1-го. *)

Можно-ли послѣ того обвинять или удивляться тому, что исполненіе подобнаго предпріятія требовало содѣйствія многихъ иностранныхъ ученыхъ, какъ за границею, такъ и въ Россіи.

И на правду сказать, не было въ нихъ недостатка, ибо графа Румянцова сотрудниками были: Лербергъ, Кругъ, Френъ, Аделунгъ Эверсъ, Энгельгардтъ, Моргенштернъ, Унгерштернъ, Шульцъ, Штрандманъ, Гаммеръ и нѣкоторые изъ нихъ свои изслѣдованія о русской исторіи издавали, на счетъ благотворительности графа.

---

*) Выше сказано, что неутомимыми стараніями барона М. А. Корфа въ бытность его директоромъ П.-И. Библіотеки, образовано въ ней особое отдѣленіе, въ которомъ сосредоточены всѣ печатные источники о Россіи на иностранныхъ языкахъ, гдѣ и когда бы они ни были изданы. Когда со временемъ преемниками барона Корфа, будетъ напечатанъ каталогъ, то отдѣленіе это *rossica*, принесетъ еще большую пользу для науки.

Но эти иностранцы, не зная въ совершенствѣ русскаго языка и его литературы, а иногда и не понимая духа времени, въ которомъ писались лѣтописи, не могли, по справедливому замѣчанію Г. Старчевскаго, ни цѣнить нашихъ историческихъ памятниковъ, ни знать гдѣ ихъ искать и открывать. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вліяніе фаланги нѣмецкихъ ученыхъ не могло отстранить вліянія исторіографа Карамзина, котораго славѣ иностранцы не могли не завидовать.

Карамзинъ, посвятившій всю свою жизнь разработкѣ матеріаловъ для отечественной исторіи, и могъ только знать, гдѣ они еще оставались нетронутыми въ архивахъ и библіотекахъ и вѣроятно принималъ дѣятельное участіе въ поискахъ канцлера.

Въ изданной въ Воронежѣ статистическимъ комитетомъ перепискѣ государственнаго канцлера графа П. П. Румянцова съ преосв. Евгеніемъ митрополитомъ кіевскимъ видно, что въ этомъ дѣлѣ сей послѣдній былъ самымъ усердным сотрудникомъ первому.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ канцлеръ спрашиваетъ преосв. Евгенія, гдѣ найти сочинителей *русской палеграфіи?*

«Нужны матеріалы, отвѣчаетъ Евгеній, которые когда появятся, то и у насъ будутъ мастера Монфокопы. Такимъ путемъ шли иностранцы къ своей дипломатикѣ, коей до исхода XVII вѣка на свѣтѣ не было. Какъ скоро много вездѣ уже издано было дипломовъ, то явился Папеброкъ, отецъ сей науки, за симъ Мабильонъ, потомъ Венедиктинцы, Туссенъ и Тасинъ и многіе другіе.»

Первый такъ сказать краеугольный камень для славянской палеографіи положилъ академикъ Востоковъ, но первые попытки точныхъ палеографическихъ работъ сдѣлалъ Евгеній въ своихъ примѣчаніяхъ на изданную имъ Мстиславову грамоту, составляющихъ такъ сказать трактатъ палеографіи.

«Я за четыре года передъ симъ, писалъ Евгеній изъ Калуги къ А. Н. Оленину, составляя примѣчанія на грамоту, ничего не имѣлъ въ помощь себѣ, кромѣ Гаттереровой дипломатики, нѣсколько отыскашихъ мною по Вологодскимъ монастырямъ и архивамъ грамотъ и справокъ въ московскомъ иностранномъ архивѣ. Мое намѣреніе было при изъясненіи сей грамоты, составить хотя краткое начертаніе *русской дипломатики*, примѣнялсь къ общей Гатереровой, ибо у насъ сколько извѣстно никто еще не начинялъ сего.

А первые опыты, особливо при недостаткѣ образцевъ бываютъ недостаточны.»

Совѣты преосв. Евгенія и заграничное изданіе Дюмонова трактатовъ побудили графа Румянцова предпринять собраніе трактатовъ и договоровъ Европы съ Россіею. Сознавая настоятельную потребность въ дипломатическомъ собраніи онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ коммисіи для печатанія государственныхъ договоровъ и граматъ.

Появившійся первый томъ собранія, подъ редакціею трудолюбиваго Бантышъ-Каменскаго, управлявшаго архивомъ, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ любителей отечественной исторіи и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ появленія другихъ томовъ, 3-й томъ явился въ 1822 году, а 4-й изданъ былъ уже послѣ смерти канцлера въ 1828 году.

Въ предисловіи въ IV тому А. Ѳ. Малиновскій, преемникъ Бантышъ-Каменскаго, объявилъ, что продолженіе изданія грамматъ поступило въ вѣдѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ и зависитъ отъ ея распоряженій. Но ни коллегія, въ послѣдствіи преобразованная въ Министерство, ни преемникъ Малиновскаго съ 1841 года, князь М. А.

Оболенскій ничего уже не обявлялъ и дальнѣйшіе томы въ свѣтъ не появились.

Издатель «*Московскаго Телеграфа*», историкъ рускаго народа, Полевой въ свое время, по поводу изданія грамотъ Румянцовымъ, сказалъ: «да не подумаетъ кто нибудь, что изданіе грамотъ, подвигъ столь прекрасный, стоилъ графу Румянцову огромныхъ суммъ. Напротивъ, какія часто на французскій домашній спектакль, на покупку англійской лошади, на шали, на кормленіе знатнаго тунеядца, не говоря уже о картахъ, бросаютъ десятки тысячь рублей, а изданіе собранія грамотъ, даже роскошно напечатанное, стоило всего на всего 70,000 р. какъ объ этомъ заявлено въ предисловіи. Сколько найдется у насъ богачей, которымъ отдѣлить въ теченіи 15 лѣтъ 70 т. (т. е. менѣе 5 т. въ годъ) значило бы сущую бездѣлицу.»

Шлецеръ спрашивалъ: кому предоставлено завидная честь быть творцомъ собранія русской дипломатики?

Эту честь стяжалъ графъ П. П. Румянцовъ. Заслуги его и сотрудниковъ по этому изданію еще неоцѣнены, а между тѣмъ самое изданіе составляетъ эпоху не только въ русской исторической

литературѣ, но и въ обработываніи всей нашей исторіи.

До появленія въ свѣтъ этого собранія занимавшіеся отечественною исторіею были лишены возможности образовать себя въ русской *дипломатикѣ*. Въ этомъ собраніи въ первый разъ они увидѣли снимки съ печатей великихъ удѣльныхъ князей.

Акты, объясняющіе нашу исторію съ XIII по XVII вѣкъ (т. е. съ 1265 по 1696 г.) и въ теченіи 400 лѣтъ лежавшіе сокрытыми отъ насъ и бывшіе недоступными историку, невѣдомыми дипломату, неизвѣстными юристу, благодаря Румянцову, всѣ они числомъ до 900 изданы и провѣрены знатоками. А какое важное пособіе для занимающихся исторіею предоставляетъ приложеніе къ IV тому собранія грамотъ и договоровъ. Указаніе это извлечено изъ всѣхъ 4-хъ частей собранія и составлено съ большимъ тщаніемъ. Оно заключаетъ въ себѣ болѣе 160 полулистовъ, страницъ въ два столбца съ вычисленіемъ собственныхъ именъ, странъ, народовъ, морей, озеръ, рѣкъ, горъ, городовъ, селъ, деревень, урочищъ, церквей, монастырей, и пр.

Баптышъ-Каменскій и Малиновскій, какъ редакторы, П. И. Строевъ и К. Ѳ. Калайдовичъ,

какъ сотрудники, заслуживаютъ также благодарнаго воспоминанія за труды по этому изданію.

Почему собраніе не пущено въ продажу по доступной цѣнѣ и почему остается гдѣ-то въ кладовыхъ мы не можемъ объяснить.

Въ нашемъ очеркѣ мы не имѣемъ возможности указать еще на заслуги госуд. Канцлера для *отечественной археологіи* и *нумизматики*. Многосторонніе изслѣдованія объ археологическихъ и нумизматическихъ его открытіяхъ вѣроятно уже имѣли мѣсто въ засѣданіяхъ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ и на немъ заслуги канцлера оцѣнены; оцѣнка же эта вѣроятно будетъ напечатана въ приготовляемомъ къ изданію Сборникѣ.

Мы видѣли страсть графа Румянцова къ рукописямъ, для пріобрѣтенія которыхъ посылалъ онъ своихъ агентовъ на ярмарки, а преимущественно Нижегородскую. За одну рукописную старовѣрческую книгу подарилъ онъ свободу цѣлому семейству, находившемуся у него въ крѣпостной зависимости. П. И. Строевъ и К. Ѳ. Калайдовичъ, по его поздвенію, совершали археологическія поѣздки по Россіи и разумѣется, что всѣ его стремленія большею частію достигали своей цѣли. Завѣщалъ онъ Академіи Наукъ 25,000 р. на напечатаніе лѣтописей, но изданіе не осуще-

ствилось, а капиталъ, послѣ смерти уже канцлера былъ употребленъ на напечатаніе актовъ археографической экспедиціи, совершенной по плану П. И. Строева.

Другой капиталъ положилъ на вѣчныя времена для поощренія воспитанниковъ кіевской духовной Академіи по занятіямъ отечественною исторіею, съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго ежегодно выдавались за лучшія ихъ сочиненія по русской исторіи.

Кромѣ изданія грамотъ и договоровъ и содѣйствія къ изданію матеріаловъ для отечественной исторіи, историческая руская литература обогатилась многими печатными изданіями, появившимися въ свѣтѣ на его иждивеніи. *)

---

*) *1.* Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, *2.* Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и судебникъ царя Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами и образцами почерковъ. (Въ предисловіи изложена исторія россійскаго законодательства съ временъ древнѣйшихъ) *3.* Изслѣдованіе Лерберга о древней россійской исторіи. *4.* Рустрингія, первоначальное отечество Рюрика, сочиненіе Грольмана (переводъ съ нѣмецкаго Снегирева). *5.* Исторія Льва дьякона Калойскаго (переводъ Попова). *6.* Софійскій временникъ или русская лѣтопись съ 826 по 1534 г. двѣ части въ 4 д. л. (подъ ред П. И. Строева). *7.* Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи. *8* Памятники россійской словесности XII вѣка съ объясненіями, варіантами и образцами почерковъ (изданіе Калайдовича). *9.* Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ

Кромѣ *историческихъ*, *палеографическихъ* и *археологическихъ* вопросовъ графа Румянцова занимали еще *географическіе* вопросы, а именно: существуетъ ли проходъ изъ южнаго океана въ атлантическое море; существуетъ-ли материкъ въ странахъ южнаго и сѣвернаго полюсовъ и др. Для раз-

---

соч. Григоровича. *10.* Письма объ археологическихъ послѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ древностей, подъ редакціею Калайдовича. *11.* Бѣлорускій архивъ рускихъ грамотъ ред. Григоровича. *12.* Іоаннъ Экзархъ болгарскій, изслѣдованіе К. О Калайдовича, объясняющее исторію славянскаго языка и литературы IX и X столѣтій. *13.* Кириллъ и Меѳодій, первоучители, историко-критическое изслѣданіе Добровскаго пер. Погодина. *14.* Критическія изслѣдованія Эверса, касательно Россійской исторіи съ нѣмецкаго переводъ Погодина. *15.* Заслуги Екатерины Великой въ изслѣдованіи сходства языковъ соч. Ѳ П. Аделунгомъ на нѣмец. *16.* Сигизмунтъ баронъ фонъ Герберштейнъ, изображенный въ отношеніи къ путешествіямъ его по Россіи, соч. Аделунга на нѣмецкомъ языкѣ. *17.* Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателей духовнаго чина грекорос. церкви преосв. Евгенія, мит. кіевскаго 2 тома.

Въ 1829 году въ Петербургѣ издана книжка, подъ заглавіемъ: о соборахъ бывшихъ въ Россіи, со времени введенія въ ней христіанства до царствованія Іоанна IV, которая посвящена памяти покойнаго государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова. Авторъ подписавшійся двумя буквами П. Т. въ предисловіи заявляетъ, что книга эта написана по волѣ канцлера и по программѣ имъ данной автору Этотъ первый опытъ историческаго толкованія о соборахъ православной церкви весьма интересенъ и нынѣ очень рѣдокъ; его нѣтъ въ русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

рѣшенія этихъ вопросовъ, перѣшенныхъ и признанныхъ даже невозможными къ разрѣшенію, преимущественно перваго, на его иждивеніи снаряженъ былъ корабль Рюрикъ, экспедиція вѣрена Коцебу, который по этому предмету получилъ инструкцію отъ *Крузенштерна.*

Хотя желаніе графа не вполнѣ осуществилось и Коцебу не достигъ предположенной цѣли, но путешествіе его принесло значительную пользу естественной исторіи, физикѣ и географіи. Графъ Румянцовъ жертвовалъ большія суммы для открытія мѣстности окружающей Беринговъ проливъ давалъ Капитану Рикорду, отправленному въ Камчатку, значительную сумму денегъ, дабы заохотить подарками чукчей для предпринятія путешествія по льду.

Подобное порученіе дано было графомъ Румянцовымъ и капитану Гагемейстеру, бывшему въ 1817 году правителемъ нашихъ бывшихъ сѣверо-американскихъ поселеній. Гагемейстеръ тоже на суммы Румянцова награждалъ туземцевъ, предпринимавшихъ поѣздки во внутрь сѣверной Америки.

Не здѣсь мѣсто и время разсказывать въ подробности всѣ тѣ патріотическіе подвиги мореплавателей, совершенныхъ на счетъ пожертвова-

ній Румянцова, именемъ котораго названъ одинъ мысъ *Румянцовымъ*. Журналъ мореплаванія, предпринятаго на счетъ канцлера, изданный въ свѣтъ подъ заглавіемъ: путешествіе въ южный Океанъ и Беринговъ проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морскаго прохода, подъ начальствомъ Коцебу въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ, въ 4-хъ частяхъ съ рисунками, географическими картами — можетъ дать понятіе о заслугахъ Румянцова и въ этомъ отношеніи.

Вопросы *географическіе* на столько интересовали Графа, что онъ предполагалъ издать: «*Древнія путешествія россіянъ*». Въ составъ этого собранія должно было войти 36 авторовъ; намѣревался было приступить къ изданію и проектъ былъ сдѣланъ Малиновскимъ, но смерть помѣшала осуществленію этого проекта.

Дѣятельность гр. Румянцова, какъ министра коммерціи не осталась безъ слѣдовъ; онъ положилъ начало образованію главнаго управленія водяными сообщеніями въ Россіи. Онъ положилъ основаніе изданію «С. Петербургскихъ коммерческихъ вѣдомостей», начерталъ правила бѣломорской, торговой компаніи на акціяхъ, устроилъ промыслы на каспійскомъ морѣ, заботился о расширеніи торговли Американской компаніи. Для охраненія столицы

отъ наводненія, по мысли Румянцова, сдѣлана обдѣлка дикимъ камнемъ береговъ Адмиралтейскаго канала. Имъ положено основаніе великолѣпной С.-Петербургской биржѣ. По его ходатайству присвоены купеческому сословію выгоды, отличія и преимущества, начертанныя въ купеческомъ уставѣ, Высочайше утвержденномъ 1807 года. По его начертанію учреждено въ Петербургѣ судостроительное училище для корабельныхъ учениковъ, въ которые поступали дѣти купцовъ и обучались кромѣ математики, языкамъ французскому англійскому и др.

Изъ этого краткаго указанія можемъ заключить, что и по морскому и финансовому вѣдомствамъ имя гр. Румянцова должно быть не безъизвѣстно, но, къ сожалѣнію, заслуги его по этимъ частямъ еще не изслѣдованы, какъ не изслѣдована еще и вся его дѣятельность, направленная на пользу отечества.

И какимъ же памятникомъ, спрашиваемъ, потомство почтило его чрезвычайныя заслуги для Россіи и усилія, въ продолженіи 50 лѣтъ, быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ?

Но время сокрушаетъ памятники, надъ которыми можетъ быть цѣлыя столѣтія трудились, время даже изглаживаетъ слѣды ихъ существова-

нія, едва оставляя воспоминаніе, которое рано или поздно уничтожается, только слава и дѣянія великихъ людей не сокрушимы.

Митрополитъ Евгеній въ письмѣ къ Переяславскому Архимандриту Іосифу, отъ 18 августа 1810 года, на вопросъ его о мѣстѣ погребенія князя Пожарскаго, между прочимъ отвѣчаетъ;... «гдѣ именно искать Пожарскаго? не знаю. Можетъ быть не почли предки наши нужнымъ напамятывать потомкамъ камнемъ о такомъ мужѣ, котораго почитали приснопамятнымъ и незабвеннымъ подѣламъ. Златоустъ въ бесѣдѣ на 2-е посланіе къ Коринѳянамъ свидѣтельствуетъ, что въ его время вся Греція не вѣдала уже, гдѣ гробъ Александра Великаго. Какой же памятникъ избѣгнетъ ѣдкости времени и забывчивости человѣческой! А когда уцѣлѣваютъ памятники, то потомство, дивясь имъ, какъ Египетскимъ пирамидамъ, часто допскивается: надъ кѣмъ опѣ поставлены?

Надгробный памятникъ гр. П. П. Румянцову, если бы и обратился въ прахъ, то память его заслугъ никогда не истлѣетъ на страницахъ исторіи.

Какъ благодарный сынъ къ памяти вновника своихъ дней, по кончинѣ его, 24 февраля 1815 года, всеподданнѣйше просилъ онъ Государя Императора о нижеслѣдующемъ:

«Всемилостивѣйшій Государь! Каждый сынъ вправѣ воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердце, что когда на равнѣ съ другими коснусь я примѣровъ, не воздамъ Задунайскому, ни по заслугамъ, ни по собственной обязанности. Слѣдуя такому побужденію, я принялъ на себя пойти другою стезею и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставить. Поднося при семъ Вашему Императорскому Величеству рисунокъ скромнаго монумента и тѣ основанія, на которыхъ я намѣренъ исполнить мое желаніе, осмѣливаюсь просить удостоить его монаршаго утвержденія. Вложенный огонь жизни въ память сію польется въ кровь молодости, изготовленной для защиты отечества — о благодарный сынъ великодушному своему Государю, въ самый часъ разлуки съ жизнію весело встрѣтить кончину дней своихъ, что должную дань отцу отдать успѣлъ и что духъ кротости и благотворенія принялъ его чистую жертву, даровалъ ей вѣчное бытіе Монаршимъ словомъ».

Воля графа Николая Петровича, приведенная съ Высочайшаго соизволенія въ исполненіе состояла въ томъ: 1) чтобы шесть особъ изъ военно служивших, во время панихидъ, въ память Задунайскаго отправляемыхъ, равно какъ и во время церковнаго

соборнаго служенія, окружали мѣсто, гдѣ покоится прахъ его родителя. 2) Каждый изъ сихъ особъ будетъ получать ежегодно по 1000 р. 3) Право замѣщенія ихъ, по кончинѣ гр. Николая Петровича, возложено на брата его, а, по кончинѣ послѣдняго, присвоется на будущее время думѣ военнаго ордена св. Георгія. 4) Особамъ симъ имѣть жительство въ одномъ домѣ, построенномъ для нихъ. 5) Фельдмаршалскій жезлъ, пожалованный Екатериною Великою Задунайскому, отдалъ въ Лавру на вѣчное храненіе. Сверхъ того внесено имъ 6000 р. на храненіе, изъ процентовъ которыхъ монашествующіе должны получать плату за панихиды.

Если полководцы пріобрѣтаютъ воинскими подвигами неувядаемые лавры, то и сынъ Задунайскаго стяжалъ себѣ въ лѣтописяхъ наукъ драгоцѣннѣйшее имя Мецената, оправдавъ девизъ своего герба, помѣщеннаго на всѣхъ его изданіяхъ: *non solum armis* и время, которое онъ ознаменовалъ просвѣщеніемъ въ пользу своихъ соотечественниковъ, по всей справедливости можетъ быть названо *Румянцовскою Эпохою.*

При жизни заслужилъ онъ названіе покровителя наукъ, по смерти остался послѣ него соз-

данный имъ себѣ памятникъ, въ которомъ сосредоточились плоды цѣлой его жизни.

Памятникомъ этимъ мы называемъ Музей его. Не успѣвъ передъ кончиною совершить акта гр. Румянцовъ словесно завѣщалъ своимъ соотечественникамъ богатое свое собраніе книгъ рукописей и разныхъ рѣдкостей для общественной пользы.

Государь Императоръ Николай I-й, уважая приношеніе канцлера, Высочайше соизволилъ одобрить его желаніе и повелѣлъ въ 1831 г. открыть это собраніе подъ названіемъ *Румянцовскаго музея* и на домѣ музея сдѣлать надпись: *отъ государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова не благое просвѣщеніе.* Какъ извѣстно, Музей этотъ находится въ Москвѣ и на домѣ его красуется таже самая надпись, а бренные останки канцлера похоронены въ любимомъ его имѣніи Гомелѣ.

При погребеніи его тѣла, между прочимъ, духовный витія сказалъ:

«Еслибъ возможно было я бы вамъ представилъ благочестивые слушатели весь образъ великой и благодѣтельной души его. Я изобразилъ бы здѣсь съ какою ревностію съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ стремился онъ по слѣдамъ своихъ славныхъ

предковъ, какою пламенною любовью горѣло сердце его къ славѣ, благодѣянствію и пользѣ отечества; съ какимъ благоразумiемъ, съ какою опытностію онъ бесѣдовалъ съ мудрыми вѣнценосцами и пріобрѣталъ ихъ уваженіе, направляя патріотическія намѣренія свои къ благу и спокойствію всѣхъ народовъ. Представилъ бы вамъ его ободряющаго и покровительствующаго науки художества, торговлю, полезныя ремесла, благодѣтельныя заведенія; изобразилъ бы сколь великіе пожертвованія принесъ онъ для всѣхъ сихъ строеній народнаго образованія, къ возвышенію онаго; припомнилъ бы Вамъ отважныя предпріятія его для открытія странъ доселѣ невѣдомыхъ; заставилъ бы и исходить въ глубину земли и трудиться надъ грудами истлѣвающихъ хартій, чтобы вездѣ открывать истины или неизвѣстныя или потерянныя для ума.

«Я сталъ бы исчислять здѣсь полезныя предначертанія его, счастливо уже совершенныя для общаго блага и тѣ, которыхъ исполненіе остановила его неожиданная кончина, но въ такомъ случаѣ, я конечно, говоритъ ораторъ, утомилъ бы Ваше вниманіе или не былъ бы въ состояніи изобразить всѣхъ дѣлъ его съ такимъ величіемъ и достоинствомъ, сколь его духъ былъ неподражаемъ,

дѣятельность неутомима, благотворенія неисчислимы, какъ говоритъ сынъ Сираховъ: «*много славу созда Богъ въ немъ величіемъ своимъ отъ вѣка*».

Къ этимъ словамъ протоіерея Іоанна Григоровича, бывшаго однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Румянцова, сопоставимъ надгробныя слова протоіерея Скворцова, сказанныя при погребеніи митрополита Кіевскаго Евгенія, друга канцлера.

«Моего ли скуднаго слова достойна славная память твоя? будетъ время, когда воздадутъ тебѣ дань чести и признательности болѣе достойную тебя. Услышавъ о кончинѣ твоей почтутъ память твою всѣ Іерархи россійскіе и всѣ высшіе сановники государства, которые всѣ знали и уважали тебя, какъ великаго мужа, дѣлавшаго честь Россіи; почтутъ любители отечественнаго просвѣщенія, между которыми сіялъ Ты, какъ великая звѣзда на тверди небесной, для которыхъ былъ образцомъ неутомимыхъ и полезныхъ трудовъ и которые всѣ поставляли себѣ за честь именовать тебя избраннѣйшимъ членомъ своихъ сословій, почтятъ иностранные любители просвѣщенія, которые часто повторяли и повторяютъ славное во всей Европѣ имя Твое, воспоминая о Тебѣ, какъ о вѣрномъ свидѣтелѣ истины. Почтятъ память

Твою похвальными словами, изобразять многоплодную жизнь Твою въ лѣтописяхъ отечества, начертавъ славное имя Твое на скрижаляхъ исторіи всемірной!» Предсказаніе О. Скворцова сбылось, ибо 18 декабря 1867 года, при празднованіи 100 лѣтняго рожденія Іерарха во многихъ городахъ Россіи, произнесены были слова и рѣчи, возобновившія забытыя уже заслуги знаменитаго Архипастыря и по сіе еще время продолжаютъ появляться въ печати новыя о немъ изслѣдованія.

Со времени рожденія гр. Николая Петровича Румянцова еще въ 1854 году минуло столѣтіе, а со времени кончины почти полъ столѣтія и по сіе время память этого великаго мужа, ревнителя просвѣщенія и покровителя раненыхъ и больныхъ воиновъ не почтена даже біографіею.

Но кому было позаботиться о ней, когда и самъ Музей Румянцова, находясь въ Петербургѣ, въ продолженіи 30 лѣтъ, пришелъ въ такое плачевное положеніе, что директоръ его князь В. О. Одоевскій, признавалъ его уже безполезнымъ для столицы, при процвѣтаніи И. П. Библіотеки. Въ слѣдствіе, чего Румянцовской Музей признано за благо перевести въ Москву и виновникомъ возрожденія его на новомъ мѣстѣ былъ тогдашній

попечитель Московскаго Университета и учебнаго его округа, а нынѣ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковъ.

При неутомимыхъ его стараніяхъ и содѣйствіи бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, Музей, какъ фениксъ, возродился изъ своего забытаго положенія и засіялъ новою жизнью, сдѣлался украшеніемъ Москвы. Какъ при жизни гр. Румянцова домъ его былъ средоточіемъ всего умственнаго и въ немъ находили всѣ ученые радушный пріемъ, такъ теперь Румянцовскій Музей въ Москвѣ сдѣлался пріютомъ для всѣхъ собраній, которыя безъ него могли бы подвергнуться тѣмъ же случайностямъ, какимъ подверглись знаменитыя собранія книгъ, и рукописей, принадлежавшихъ академикамъ: Языкову, Мартынову *) и Анастасевичу **), барону Б. А. Розенкампфу и т. п. Собранія ихъ, какъ

---

[1]) Пергаментные переплеты римскихъ и греческихъ классиковъ изъ библіотеки Мартынова букинистомъ проданы сапожникамъ, а оборванныя книги лавочникамъ на обвертки.

[2]) Полицейское управленіе по моей просьбѣ извѣстило начальство одной столичной публичной библіотеки о продажѣ знаменитаго собранія этого библіографа и бывшаго нѣкогда библіотекаремъ Императорской публичной библіотеки, но заботливость о просвѣщеніи полицмейстера оказалось безполезнымъ, ибо библіотечное начальство, потребовавъ описей, осталось равнодушнымъ къ истребленію этого собранія.

извѣстно, нашли себѣ пріютъ не въ публичныхъ и университетскихъ библіотекахъ а у букинистовъ на толкучемъ рынкѣ, куда они поступили послѣ продажи съ публичнаго торга на вѣсъ пудами, какъ не нужная бумага, годная только для обвертокъ, въ мелочныхъ лавкахъ!!!

Цѣлыя библіотеки, во всемъ ихъ составѣ какъ то: Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Авраама Сергѣевича Норова, сенатора Бороздина, Гурьева, Полторацкаго, Лукашевича, Undольскаго и др. поступили въ Московскій публичный Румянцовскій Музей и все эти приращенія, съ присоединеніемъ къ нимъ дублетовъ Императорской публичной библіотеки и Эрмитажа, простирались до 100,000 томовъ.

Отдѣленія въ Музеѣ: изящныхъ искуствъ, архитектуры, скульптуры, гравировальнаго искусства, фотографія и живописи недавно обогатились русскою картинною галлереею Ѳ. П. Пряшишникова. Вдовою покойнаго собирателя В. А. Пряшишниковою, принесено въ даръ музею 1000 экземпляровъ описанія этой картинной галлереи, съ приложеніемъ составленной мною біографіи ея мужа.

2. Отдѣленіе *древностей* вообще и *христіанскихъ* въ особенности, составилось изъ знаменитаго собранія *Свостьянова*, извѣстнаго путешествен-

ника на Аѳонскую гору и принесшаго въ даръ музею плоды трудовъ всей своей жизни.

Двумя стами тысячъ предметовъ увеличились коллекціи Румянцовскія и на новыя устройства Музея издержано около 100,000 р. безъ обремененія государственнаго казначейства, а только при помощи русскаго патріотизма.

Съ присоединеніемъ къ Румянцовскому Музею Этнографическаго Дашковскаго Музея, обязаннаго своимъ существованіемъ нынѣшнему директору Музея гофмейстеру В. А. Дашкову, Московскій публичный музей начинаетъ пріобрѣтать значеніе въ глазахъ даже иностранцевъ, не говоря уже о томъ, что онъ сдѣлался въ Москвѣ единственнымъ мѣстомъ для наглядnаго образованія, ибо въ немъ въ продолженіи года перебываетъ народу сотни тысячъ!

Начальство Музея, благоговѣя къ памяти своего перваго основателя, вѣроятно не замедлитъ приступить къ собранію и обнародованію рукописныхъ матеріаловъ для доставленія возможности нашимъ ученымъ составить полную оцѣнку великихъ заслугъ государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова, преимущественно на поприщѣ *отечественнаго просвѣщенія.*

Въ заключеніе нашей попытки въ краткомъ

очеркѣ изобразить эти заслуги, позволяемъ себѣ сказать:

Пора собирать матеріалы о гр. Румянцовѣ, пока еще свѣжи преданія, которыя постепенно исчезаютъ и сохранятъ воспоминанія о немъ, пока они еще уцѣлѣли. Скорѣе да наступитъ то время, когда явится въ свѣтъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Графъ Н. П. Румянцовъ и его музей въ возобновленномъ видѣ.*

РѢЧЬ

О ЦѢЛИ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ,

СОСТОЯЩАГО

ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ,

ЧИТАННАЯ

ВЪ ЗАЛѢ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА

15 сентября 1869 года.

Милостивые Государи!

Вы удостоили вашимъ посѣщеніемъ мою лекцію для удовлетворенія Вашей просвѣщенной любознательности о замѣчательной дѣятельности государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова. Но нѣтъ! я не стану себя обманывать столь лестнымъ для меня предположеніемъ, ибо вы и безъ меня имѣете тысячу средствъ почерпнуть эти біографическія свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ и отъ другихъ лицъ, болѣе меня компетентныхъ на поприщѣ историческихъ розысканій. Вы явились сюда для удовлетворенія потребности Вашего русскаго сердца—оказать помощь патріотическому дѣлу, принести на алтарь отечества свою лепту и черезъ меня вручить ее Обществу попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ, состоящему подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны.

По недавности существованія этого Общества, смѣемъ думать, не лишнимъ будетъ, прежде всего въ краткихъ чертахъ изобразить патріотическую цѣль общества и дѣйствія членовъ его, вполнѣ понимающихъ всю важность великой задачи, которой они неуклонно стремятся достигнуть.

Это человѣколюбивое общество избрало себѣ цѣлію во время войны содѣйствовать военной администраціи, въ уходѣ за ранеными и больными воинами и доставлять имъ по мѣрѣ средствъ, какъ врачебное, такъ и всякаго рода вспомоществованіе. Эту высоко-христіанскую цѣль члены общества предполагаютъ осуществить единственно при содѣйствіи частной благотворительности.

Сколь велика и достойна безграничнаго сочувствія идея, во имя которой учредилось Общество, Высочайшею властію Государя Императора утвержденное, столь велико и сильно убѣжденіе, что оно тогда только получитъ дѣйствительное значеніе и достигнетъ тѣхъ отрадныхъ результатовъ, какихъ достигли подобныя же частныя общества, образовавшіяся во время войнъ Американской междоусобной и послѣдней Прусской, когда оно будетъ въ силахъ выполнить свою программу, начертанную въ уставѣ.

Для достиженія этой цѣли Общество попе-

ченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ должно заблаговременно располагать значительными матеріальными средствами, съ помощью которыхъ, при первомъ объявленіи войны, оно могло бы тотчасъ сдѣлаться фактическимъ пособникомъ военной администраціи, могло бы освободить ее отъ доселѣ лежавшей на ней обязанности, которую военная администрація, по обстоятельствамъ весьма понятнымъ для лицъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ, и не могла исполнять вполнѣ и удовлетворительно.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: можетъ ли Общество пріобрѣсти эти средства, при содѣйствіи одной только благотворительности? Неоспоримо, что русскій народъ болѣе всякаго другаго способенъ на сочувствіе и всегда готовъ оказать страждущему возможное пособіе, а подъ часъ и подѣлиться съ нимъ послѣднею копѣйкою; но, по свойственной вообще человѣческой слабости, и русскій народъ болѣе склоненъ къ сочувствію тогда только, когда, такъ сказать, осязаетъ несчастіе, а будучи призванъ на помощь такого дѣла, которое можетъ дать результаты, хотя и въ близкомъ, но все таки будущемъ, онъ по крайней мѣрѣ въ большинствѣ отзовется не въ той мѣрѣ, какъ было бы то желательно для обезпеченія успѣха дѣла.

Почти также относится наше русское среднее общество и къ арміи. Всякому извѣстно, что въ мирное время большинство смотритъ на армію, до извѣстной степени равнодушно, видя въ ней главнѣйшаго обременителя государства, забывая при томъ и заслуги и существенную цѣль ея назначенія. Но какъ только армія призывается на защиту чести и достоянія отечества, тогда сознаніе въ необходимости и возможности благоустроенной арміи вполнѣ пробуждается, общество тогда относится къ ней сочувственно и готово на посильныя жертвы, для облегченія раненыхъ и семействъ убитыхъ. Но сочувствіе это и самыя пожертвованія, какъ бы онѣ значительны ни были, оказываются по недостатку правильной организаціи въ распредѣленіи оныхъ — поздними и недостигающими прямой ихъ цѣли, какъ это показалъ опытъ Крымской войны.

Какъ краснорѣчиво и убѣдительно объяснилъ намъ обязанности наши въ этомъ священномъ дѣлѣ недавно въ Бозѣ почившій Филаретъ митрополитъ Московскій. Высокопреосвященнѣйшій въ своемъ воззваніи къ принятію участія въ Обществѣ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ сказалъ:

«Россіяне! чада православной церкви, не слы-

шали ль вы въ церкви, не видѣли ль вы въ евангеліи, какъ мимо израненаго, лежащаго на дорогѣ, иные прошли мимо, а нѣкто самаряпинъ сжалился надъ нимъ, обмылъ раны его виномъ, умягчилъ масломъ, перенесъ его въ гостипницу, и далъ деньги, чтобы довершить пользу ему оказанную. Не чувствовали ль вы невольнаго негодованія на прошедшихъ мимо раненаго? Не пріятенъ ли вамъ въ семъ случаѣ даже непріятный въ другихъ отношеніяхъ самаряпинъ? Не говоритъ ли при семъ ваше сердце того самаго, что сказалъ Христосъ Спаситель: «иди и ты твори такожде».

«Посмотрите, что указуется вамъ теперь. На полѣ сраженія лежатъ многіе воины, нечуждые, не незнакомые, но весьма близкіе вамъ, потому что они сражались за вашего царя, за достоинство и безопасность вашего отечества, за безопасность каждаго изъ васъ. Любовь отечественная и тѣмъ болѣе христіанская любовь не позволитъ вамъ пройти мимо; она скажетъ вамъ: твори какъ милосердый самаряпинъ? Счастливо было для раненаго то, что милосердый самаряпинъ имѣлъ въ готовности вино и масло и вьючное животное для перенесенія больнаго и деньги на прочія его нужды. Безъ сей предварительной готовности раненый умеръ бы въ ожиданіи помощи».

Это трогательно-картинное изображеніе участи раненыхъ на полѣ сраженія и необходимость быть на готовѣ облегчить ихъ страданія, милосердый архипастырь оканчиваетъ слѣдующими словами:

«Да возбудится заблаговременно ваше милосердіе, ваша любовь, ваша благодарность къ имѣющимъ подвизаться за васъ на̀ полѣ брани и да приготовится масло и вино и прочее, т. е. все потребное для врачеванія раненыхъ и больныхъ воиновъ, для безопаснаго перенесенія ихъ въ мѣста призрѣнія и для устроенія самихъ мѣстъ призрѣнія, благопріятныхъ выздоровленію».

Не менѣе замѣчательнымъ памятникомъ сердобольной заботливости этого великаго архипастыря можетъ служить первый починъ его въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ, сохранившійся въ дѣлахъ архива главнаго управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Вотъ какія слова собственноручно Высокопреосвященнѣйшій изволилъ написать на простомъ листѣ бумаги:

«Богъ міра да сохраняетъ миролюбиваго Великаго Государя нашего Императора Александра Николаевича и Всероссійскую Имперію въ мирѣ, тишинѣ и благоденствіи».

«Но войны, какъ бывали прежде, такъ могутъ быть и впредь и опыты недавнихъ временъ всѣмъ показали, что при дѣйствіи большихъ армій для удовлетворительнаго попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ недостаточны средства правительства и военнаго начальства, а требуются еще соединенныя усилія частныхъ людей и заблаговременное приготовленіе средствъ и пособій во время мира. По сему учреждается подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны Общество для попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

«Располагающіе вступить въ число учредителей вносятъ здѣсь имена свои».

На листѣ этомъ, кромѣ подписи Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, значатся собственноручныя подписи слѣдующихъ лицъ: 1) генералъ-адъютанта Сергѣя Шипова, 2) оберъ-гофмейстера князя Николая Трубецкаго, 3) губернскаго предводителя дворянства князя Гагарина, 4) Московскаго городскаго головы кн. Щербатова, 5) предсѣдателя Московской земской управы Д. Наумова, 6) старшины купеческаго сословія Бостанжогло и 7) потомственнаго дворянина Ивана Четверикова».

Такимъ образомъ идея учрежденія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ принадлежитъ блаженной памяти митрополиту Филарету, съ именемъ котораго соединили свои имена вышепоименованные достойные представители Московскаго общества. При чемъ нельзя не упомянуть съ благодарною признательностію о первоначальныхъ стараніяхъ объ учрежденіи Общества, оказанныхъ генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ.

Но идеи митрополита Филарета суждено было осуществиться не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ и весьма естественно, что предсѣдатель Общества обратился къ виновнику ея съ просьбою о благословеніи, при чемъ препроводилъ уставъ Общества, въ которомъ было напечатано вышеприведенное воззваніе, Его Высокопреосвященствомъ написанное, какъ мы видѣли, въ то еще время, когда только возникала мысль объ образованіи общества въ Москвѣ.

Предсѣдатель Общества генералъ-адъютантъ А. А. Зелепый имѣлъ счастіе па свое письмо получить отъ Высокопреосвященнаго Владыки отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Съ благодарпостію принявъ отъ вашего высокопревосходительства сообщенный мнѣ уставъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ вои-

нахъ, съ благою надеждою взираю на начинанія сего общественнаго дѣла и остаюсь въ ожиданіи, что начинательное дѣйствіе Петербургскихъ учредителей дастъ примѣръ и напоеніе для учредителей Московскихъ».

Отвѣтъ этотъ былъ писанъ 31 мая 1867 года и не довелось уже Высокопреосвященному Филарету, по случаю вскорѣ послѣдовавшей его кончины, увидѣть при жизни развитія дѣятельности этого общества, которое хотя не быстро, но все таки уже распространяется по всей Россійской Имперіи.

Сколь важны задачи общества, можемъ судить уже изъ того, что онѣ въ 1869 году обсуждались въ Берлинѣ на международной конференціи. . . .

Въ этой международной конференціи принимали участіе и уполномоченные отъ Петербургскаго главнаго управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и изъ нихъ генералъ Баумгартенъ, по возвращеніи изъ конференціи, представилъ отчетъ, который былъ читанъ въ засѣданіи главнаго управленія общества, 26 апрѣля 1869 года.

Изъ этого отчета мы узнаемъ, что кромѣ генерала Баумгартена, были ещэ и другіе русскіе

уполномоченные, а именно: контръ-адмиралъ *Лихачевъ* и лейбъ-медикъ двора Ея Величества тайн. сов. *Гауровицъ* и членъ мѣстнаго Кіевскаго управленія профессоръ университета св. Владиміра *фонъ-Гюббенетъ.*

Не входя въ подробности преній, бывшихъ въ засѣданіяхъ Берлинской международной конференціи и относящихся большею частью до разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ, какъ то: объ устройствѣ перевязочныхъ пунктовъ, лазаретовъ, о поданіи помощи раненымъ на поляхъ сраженій, только послѣ боя, о сбавкѣ цѣнъ на желѣзныхъ дорогахъ, при перевозкѣ имуществъ, принадлежащихъ обществамъ попеченія о раненыхъ и проч. мы позволимъ себѣ обратить ваше благосклонное вниманіе, М. Г. на привѣтственную рѣчь Прусскаго короля, сказанную къ уполномоченнымъ конференціи, которые имѣли счастіе быть представленными въ дворцѣ королю и королевѣ.

«Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не собрать васъ и не выразить вамъ полнаго сочувствія къ цѣли, для которыхъ вы здѣсь собраны. Международная конвенція, установившая нейтральность врачебной помощи на войнѣ, положила начало вашимъ обществамъ и въ лицѣ вашемъ я съ радостію привѣтствую вольную по-

мощь, которая дополняетъ эту конвенцію. Предстоящія вамъ пренія даютъ мнѣ полную гарантію въ томъ, что организація этого великаго дѣла будетъ доведена вами до большей полноты. Мнѣ остается только желать, чтобы случайности, которыя могутъ вызвать вашу помощь, какъ въ военное время, такъ и въ случаѣ другихъ бѣдствій, были бы по возможности отдалены. Но на случай подобныхъ несчастій я надѣюсь видѣть усилія ваши увѣнчанными успѣхомъ, котораго они вполнѣ заслуживаютъ».

Для насъ, русскихъ, не менѣе интересна рѣчь нашего уполномоченнаго генерала Баумгартена, сказанная имъ въ засѣданіи всѣхъ уполномоченныхъ отъ другихъ государствъ. Эта рѣчь знакомитъ насъ съ состояніемъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ въ нашемъ собственномъ отечествѣ.

Петербургское главное управленіе общества открыто только въ началѣ 1867 года и три или четыре мѣсяца спустя образовались на всемъ пространствѣ обширной нашей Имперіи мѣстныя управленія, не исключая Сибири, центральной Азіи и Кавказа.

Такое быстрое развитіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ вполнѣ доказы-

ваетъ, что наше русское общество было совершенно подготовлено къ принятію самаго живаго участія въ этомъ дѣлѣ. И дѣйствительно еще во время Крымской войны, когда во всей Европѣ были далеки отъ мысли до какихъ разнѣровъ можетъ дойти частная благотворительность къ раненымъ во время войны, когда только одна миссъ Нейтингель, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ соотечественницъ, подавала первую частную помощь англичанамъ, въ это самое время, въ томъ же Севастополѣ, подъ сильнѣйшимъ огнемъ бомбардированія нашимъ раненымъ и больнымъ подавалась частная помощь въ самыхъ широкихъ и не бывалыхъ до того размѣрахъ.

Первый примѣръ этой частной благотворительности былъ данъ Великою Княгинею Еленою Павловною, которая пригласила въ Севастополь доктора Пирогова, придала ему еще другихъ врачей и 125 сестеръ милосердія крестовоздвиженской общины. Докторъ Пироговъ былъ сверхъ того, снабженъ Ея Высочествомъ большими денежными и матеріальными средствами для облегченія участи раненыхъ. Начальница общины, супруга генерала Стаховича обязана была поставлять въ извѣстность Великою Княгиню о всѣхъ нуждахъ раненыхъ. Съ этою цѣлію тѣ изъ се-

стеръ милосердія, которыя были распредѣлены госпиталямъ и которымъ поручалось препровожденіе трапспортовъ съ ранеными. Онѣ обязаны были вести журналъ и извѣщать свою начальницу о всѣхъ нуждахъ, какія терпѣли раненые въ госпиталѣ и при перевозкѣ.

Изъ переписки сестеръ милосердія, недавно появившейся въ печати, а также изъ брошюры доктора Пирогова о дѣятельности и пользѣ, оказанной сестрами милосердія во время Крымской войны, можно составить себѣ полное понятіе о томъ, что было у насъ сдѣлано для раненыхъ и больныхъ въ эту войну. До какой степени Великая Княгиня Елена Павловна и до сихъ поръ печется объ участи раненыхъ, на случай войны, можно видѣть изъ того, что по сіе время она содержитъ на свой счетъ Крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, содержаніе которой обходится Ея Императорскому Высочеству ежегодно болѣе 40 тысячъ руб.

Вслѣдъ за сестрами Крестовоздвиженской общины Государыня Императрица Марія Александровна отправила также въ Крымъ сестеръ изъ общины сердобольныхъ вдовъ, въ числѣ 200; но всего важнѣе было то, что съ ними вмѣстѣ были отправлены особые уполномоченные, между которыми

находились: графы Велеурскій, Палепъ и Сакепъ. Первый изъ нихъ сдѣлался даже жертвою своего самоотверженія. Уполномоченные эти были снабжены отъ Императрицы самыми значительными денежными и матеріальными средствами, не только для удовлетворенія нуждъ раненыхъ, но и для доставленія имъ даже всѣхъ необходимыхъ удобствъ въ ихъ положеніи.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ командировалъ г. Мансурова, поручивъ его особенному попеченію раненыхъ моряковъ.

Примѣръ, поданный Августѣйшимъ Домомъ, глубоко отозвался въ народѣ и со всѣхъ концовъ обширной нашей Имперіи потекли приношенія, деньгами и вещами въ наши госпитали. Не имѣя еще правильно организованнаго общества, которое бы служило вѣрнымъ посредникомъ между народомъ и ранеными, всѣ приношенія преимущественно были направляемы къ находившимся уже въ Крыму уполномоченнымъ отъ особъ Императорской Фамиліи. Самое же распредѣленіе всѣхъ этихъ приношеній между ранеными въ госпиталяхъ было возложено исключительно на однѣхъ сестеръ милосердія, такъ было велико довѣріе уже въ то время, внушенное ими въ нашихъ госпиталяхъ.

Изъ представленной ген. Баумгартеномъ въ-

засѣданіи Берлинской международной конференціи карты уполномоченные отъ всѣхъ государствъ освѣдомились, что въ Россіи находилось тогда 41 мѣстный комитетъ, 43 отдѣла и 26 дамскихъ комитетовъ; было сообщено къ ихъ свѣдѣнію, что петербургское общество имѣетъ до 8,000 членовъ, платящихъ ежегодно добровольныхъ взносовъ на сумму до 50 тысячъ р., капиталъ же общества простирался до 180 т. р.

Для распространенія свѣдѣній о цѣли и значеніи общества г. Затлеръ напечаталъ въ пользу общества сочиненіе объ участи раненыхъ во время войны и для большей доступности назначилъ ей цѣну всего 20 к. сер.

Несмотря на эти усилія Общества, свѣдѣнія о немъ медленно распространяются и эта прекрасная книга, содержащая въ себѣ весьма много интересныхъ указаній па санитарную часть, мало еще извѣстна публикѣ.

Профессоръ университета св. Владиміра фонъ-Гюббенетъ, въ видахъ распространенія свѣдѣній объ Обществѣ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ между Кіевскою публикою, произнесъ на годовщинѣ общества Кіевскихъ врачей рѣчь: *объ участіи въ попеченіи о раненыхъ воинахъ.*

Въ этой рѣчи, напечатанной отдѣльною брошюрою, говоритъ онъ:

«Если въ нашихъ Обществахъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ средства еще ничтожны и участіе весьма слабо, то я это немогу приписать ничему иному, какъ невѣдѣнію народонаселенія. Въ Россіи по всей вѣроятности едва ли шестая часть народонаселенія даже знаетъ о существованіи этихъ обществъ, иначе пожертвованія и приношенія на это благое и христіанское дѣло стекались бы совершенно въ другихъ размѣрахъ».

«Нашъ русскій человѣкъ милосердъ и благотворителенъ, если бы онъ имѣлъ понятіе о всѣхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ на полѣ битвы, во время и послѣ сраженія, никто не отказался-бы отъ какого-нибудь приношенія. Каждый нищій въ лохмотьяхъ, живущій ежедневными подаяніями и милостынями, богаче, чѣмъ раненый воинъ. Онъ находитъ всегда по крайней мѣрѣ сухой ночлегъ, кусокъ хлѣба и чистую воду—и это такія богатства, за которыя раненый часто платитъ своею жизнію».

«Богатые родители, пользуясь всею роскошью жизни, вспоминаютъ часто о бѣдствіи сына, который отправился на войну—но объ этой степени бѣдствія, какое можетъ его постигнуть въ сраженіи, они понятія не имѣютъ. Они не догадываются,

что любимый сынъ, обожаемый отецъ семейства, братъ, жепихъ или родственникъ, истекаютъ кровію по недостатку ветоши, бинта для перевязки, что они умираютъ отъ недостатка рукъ, которыя ихъ могли бы поднять, или отъ недостатка носилокъ; что руки одного изъ тѣхъ лакеевъ, которые безъ дѣла валяются въ передпихъ, были бы достаточны, чтобы возвратить семейству отца, матери — сына и пр. Они не воображаютъ, что крохи съ богатаго стола ежедневно выбрасываемы вонъ, составили бы для роднаго сына роскошный обѣдъ, могущій возстановить его силы и замѣнить тотъ красный жизненный сокъ, которымъ скрашено поле сраженія. Они не повѣрятъ, что дорогой родственникъ, что прекрасный юноша, радость и гордость родителей, или заслуженный старецъ лежитъ безъ помощи бѣдный, съ изломанными членами и стеклянными глазами на голой сырой землѣ, въ окровавленномъ платьѣ и мучимый одеждой до безумія. Но увы! Нѣтъ руки, которая бы подпесла имъ чашку воды, нѣтъ даже самой воды и несчастный въ отчаяніи мочитъ губы кровью своей раны и царапаетъ въ судорогахъ ногтями окровавленную землю. Нѣтъ дружеской руки, которая закрыла-бы умирающему глаза, ни родной души, которой онъ могъ бы пе-

редать свои послѣдпія желанія, поклонъ родпымъ или благословеніе своимъ дѣтямъ».

Посмотримъ теперь, что составлятъ особенный предметъ заграничныхъ дамскихъ комитетовъ, образовавшихся при Обществѣ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Въ Берлинѣ недавно происходило общее собраніе представительницъ всѣхъ дамскихъ комитетовъ Сѣверной Германіи. Въ этомъ собраніи сама Прусская королева приняла предсѣдательство.

Въ засѣданіяхъ этого собранія дамскихъ комитетовъ обсуждаемъ былъ вопросъ о подготовленіи сидѣлокъ (garde-malades), такъ какъ во время послѣдней войны оказался въ нихъ недостатокъ. Обучившись и выдержавъ испытаніе сестры или сидѣлки должны поступать на пждивеніе дамскихъ комитетовъ, опѣ обходятся имъ ежегодно около 400 гульденовъ; деньги которыя онѣ заработаютъ, какъ сидѣлки, должны обращаться въ общину и только часть $^1/_2$ пли $^1/_3$ изъ вырученныхъ каждою сестрою будетъ выдаваться имъ на руки въ видѣ награды.

Какой прекрасный примѣръ для подражанія и нашимъ русскимъ дамскимъ комитетамъ и какой прекрасный примѣръ для ихъ заботливости въ заблаговременномъ подготовленіи сидѣлокъ (garde

malades), которыя и въ мирное время могутъ приносить пользу въ уходѣ за больными въ нашихъ городскихъ больницахъ, гдѣ больные оставлены на попеченіи мужской прислуги, не столько склонной по самому природному, какъ женщины, влеченію, быть сердобольными. Въ Петербургѣ сестры милосердія не только въ казенныхъ больницахъ, но и въ частныя дома приглашаются для ухода за больными и получаемое ими вознагражденіе можетъ составить со временемъ капиталъ для пособій и призрѣнія самыхъ сидѣлицъ, когда болѣзнь или преклонныя лѣта сдѣлаютъ ихъ неспособными болѣе служить больному обществу. Примѣръ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны, Благотворительницы въ этомъ сердобольномъ дѣлѣ, да всегда возбуждаетъ въ нашихъ провинціальныхъ всякаго сословія дамахъ чувство сострадапія къ ближнимъ и да повсемѣстно учреждается подъ покровительствомъ дамскихъ комитетовъ — это филантропическое учрежденіе — хожалокъ за больными.

Послѣ всего сказаннаго является очевидною польза для русскаго государства отъ учрежденія въ С.-Петербургѣ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и подвѣдомственныхъ ему провинціальныхъ комитетовъ, а также и учре-

жденій. Надобно только желать, дабы цѣль этого Общества была достигнута. Для полнаго и скораго осуществленія этой цѣли на каждомъ изъ насъ М. Г. лежитъ священная обязанность—всѣми возможными средствами содѣйствовать этому Патріотическому Обществу, имѣя въ виду, что оно тогда только достигнетъ полезныхъ результатовъ, когда заблаговременно будетъ организовано и своевременно пріобрѣтетъ все необходимое для успокоенія больныхъ и облегченія раненыхъ воиновъ. При всеобщемъ сочувствіи и содѣйствіи всѣхъ русскихъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣйствія Общества будутъ имѣть огромное и благодѣтельное вліяніе на состояніе походныхъ лазаретовъ. Можемъ вполнѣ надѣяться, что благое предпріятіе найдетъ отголосокъ въ средѣ русскаго народа всѣхъ сословій, который къ доброму дѣлу никогда еще не относился равнодушно. Ежели по сіе время народъ мало еще заявилъ своего сочувствія, то единственно отъ того, что еще не была разъяснена благотворительная цѣль Общества и мало кому было извѣстно, что оно принимаетъ всякаго рода пожертвованія, какъ бы онѣ незначительны ни были и эти пожертвованія могутъ состоять не только изъ денежныхъ приношеній, но и всякаго

рода предметовъ, могущихъ быть употребленными Обществомъ на пользу святаго дѣла.

И дѣйствительно, можетъ ли не тронуться сердце каждаго русскаго человѣка участью раненыхъ и больныхъ воиновъ во время войны? Можетъ ли каждый гражданинъ, сознающій себя не космополитомъ, а истиннымъ сыномъ отечества, не стараться, по мѣрѣ возможности и средствъ, оказать содѣйствіе Обществу къ осуществленію столь глубоко задуманнаго дѣла? Можетъ-ли русскій человѣкъ не желать, дабы Общество могло во время предусмотрѣть, во время заготовить все нужное на случай войны для облегченія раненыхъ и больныхъ воиновъ?

Всѣ образованныя государства сознали уже эту необходимость предварительной заготовки всѣхъ нужныхъ въ военное время запасовъ и Россія отъ нихъ не отстанетъ при столь усердныхъ стараніяхъ главнаго управленія Общества въ Петербургѣ и провинціальныхъ комитетовъ, какъ мужскихъ такъ и женскихъ.

Представивъ вниманію вашему, Мм. Гг., цѣль и значеніе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, приступаю теперь къ краткому очерку ученой дѣятельности графа Н. П. Румянцова, который совершенными пожертвованіями въ

пользу комитета о раненыхъ инвалидахъ содѣлалъ имя свое равнымъ же образомъ извѣстнымъ и на страницахъ отечественной благотворительности, какъ оно извѣстно и въ исторіи отечественнаго просвѣщенія.

Вотъ причина, почему мы полагали весьма соотвѣтственнымъ читать объ этомъ благотворителѣ и покровителѣ просвѣщенія публичныя лекціи въ Воронежѣ, Москвѣ и Кіевѣ, съ благотворительною цѣлію и вездѣ пріятно было лектору встрѣтить сочувствіе мѣстной публики къ чтеніямъ, представляющимъ хотя и въ краткомъ очеркѣ столь грандіозную личность, какою былъ въ свое время Государственный Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

Въ исторіи отечественной благотворительности имя Государственнаго Канцлера графа Николая Петровича заняло самое почетное мѣсто. На страницахъ ея значится его дѣятельность въ царствованіе Александра I-го, при учрежденіи «*Благодѣтельнаго Комитета*» для подаянія помощи бѣднымъ жителямъ столицы и увѣчнымъ раненымъ воинамъ. Тамъ записаны богатые его вклады не только для просвѣщенія какъ покровителя науки, и народнаго образованія, учрежденіемъ для столицы отечественнаго музея, но и большія пожер-

твованія въ пользу инвалидовъ. Внесенная имъ сумма въ комитетъ о раненыхъ простиралась до милліона, а этихъ раненыхъ послѣ 1812 года, борьбы за національное достоинство, было не мало.

Вотъ почему мы полагали совмѣстнымъ соединить изображеніе заслугъ этого благотворителя бѣдныхъ и покровителя ученыхъ съ краткимъ очеркомъ важности и значенія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ *).

*) Въ настоящее время польза этого международнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ сдѣлалась очевидною, при участіи его въ помощи воюющимъ державамъ. Нравственною нашею обязанностью поддержать это Общество, требующее для своихъ дѣйствій большихъ матеріальныхъ средствъ, которыя теперь оскудѣли при большихъ расходахъ. Въ видахъ увеличенія матеріальныхъ средствъ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ пригласило меня прочесть нѣсколько лекцій въ Петербургѣ въ пользу Общества. Какъ дѣйствительный членъ Общества, я съ особенною готовностью принялъ предложеніе и въ іюнѣ мѣсяцѣ минувшаго года читалъ лекціи въ загородныхъ помѣщеніяхъ купеческаго общества и благороднаго собранія. Предметомъ чтеній, кромѣ объясненія цѣли и значенія Общества, указаны были заслуги фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, по поводу совершившагося столѣтія одержанной имъ въ 1770 году въ іюлѣ мѣсяцѣ блистательной побѣды при Кагулѣ надъ Турками. За чтеніемъ лекцій послѣдовали въ пользу Общества разные концерты и увеселительные праздники.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ

И

БІОГРАФІЙ

СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ ЗАЩИТНИКОВЪ.

ПЛАНЪ ПОПУЛЯРНАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

Въ послѣднее время изученіе отечественной исторіи, по матеріаламъ съ первыхъ рукъ, сдѣлалось потребностію каждаго сколько нибудь интересующагося развитіемъ въ Россіи исторической науки.

Для удовлетворенія этой потребности явились историческіе журналы: „*Русскій Архивъ*“ и „*Русская Старина*“, сосредоточивающіе въ себѣ сырые матеріалы для будущей по нимъ обработки, необходимой предшественницы прагматической исторіи.

Два періодическихъ изданій и два сборника историческихъ обществъ въ Москвѣ и Петербургѣ не объемлютъ еще собою всѣхъ историческихъ вопросовъ и, большею частію, касаясь отдаленной старины, упускаютъ изъ вида недавнее прошедшее.

По особенной заботливости Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Государя Наслѣдника

Цесаревича въ настоящее время приступлено къ собиранію матеріаловъ для исторіи Севастопольской обороны и сдѣлано въ газетахъ объявленіе о доставленіи записокъ, дневниковъ, разсказовъ, сбереженныхъ для потомства участниками въ оборонѣ и очевидцами ея.

Правда, что съ 1853 года, какъ начала восточной войны, не прошло много лѣтъ и многіе изъ Севастопольскихъ героевъ остались еще въ живыхъ, но нельзя упускать изъ вида и тѣхъ матеріаловъ, которые появлялись въ печати въ періодъ войны въ разныхъ журналахъ, газетахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ.

Извѣстно, что газета живетъ одинъ день, новый нумеръ уничтожаетъ старый и рѣдко у частныхъ лицъ сберегаются прежнія газеты и журналы. Собраніе ихъ даже въ публичныхъ библіотекахъ являются неполными, а потому напечатанные въ нихъ матеріалы дѣлаются съ каждымъ годомъ менѣе доступны для спеціалистовъ, не говоря уже о большинствѣ публики.

Вотъ причина, почему не лишнимъ было бы, вполнѣ сочувствуя заботливости Великаго Князя Государя Наслѣдника Цесаревича, собрать эти матеріалы, разбросанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, газетахъ и вѣдомостяхъ тѣхъ губерній, которыя ближе были къ театру военныхъ событій и все болѣе изъ нихъ замѣчательное сосредоточить въ одномъ изданіи съ вышепоименованною спеціальною цѣлію.

Подобному сборнику, по примѣру Путиловскаго, сдѣлавшагося уже библіографическою рѣдкостью, (полнаго экземпляра его нѣтъ даже съ библіотекѣ Главнаго Штаба, гдѣ не имѣются также и собранія портретовъ лицъ, прославившихся въ Крымскую компанію) слѣдовало бы дать большой объемъ и не ограничиваясь одними только матеріалами, касающимися Севастопольской обороны, включить весь восточный вопросъ со всѣми его послѣдствіями.

Пишущій эти строки, въ продолженіи многолѣтней службы въ Императорской Публичной Библіотекѣ, собирая библіографическіе матеріалы, относящіеся до исторіи XVI, XVII и XVIII столѣтій, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдилъ за библіографіею и современныхъ ему событій.

Вотъ почему въ библіографическихъ его замѣткахъ сосредоточились указанія на сочиненія и статьи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, появившіяся въ печати въ послѣднее 15 лѣтіе.

Въ числѣ этихъ указаній находятся и свѣдѣнія о сочиненіяхъ и статьяхъ, относящихся до восточнаго вопроса и восточной войны на всѣхъ театрахъ, гдѣ она имѣла мѣсто.

При групировкѣ этихъ библіографическихъ замѣтокъ, оказалось, что между ними есть указанія на 50 статей по восточному вопросу, болѣе *200* статей и сочиненій о крымской войнѣ, до *100* — по части библіо-

графіи восточной войны, съ *50* — для исторіи ополченій, разныхъ празднествъ въ честь ополченцовъ, болѣе *60* некрологовъ лицъ, участвовавшихъ въ восточной войнѣ на всѣхъ театрахъ ея сраженій (одного Нахимова до 20 біографическихъ статей). Всего до 500 статей и кромѣ того до 200 статей, относящихся до исторіи Крымскаго полуострова, какъ самаго главнаго центра тяготѣнія войны.

Объявленное въ газетахъ приглашеніе доставлять свѣдѣнія о Севастопольской осадѣ, безъ различія въ какихъ бы то ни было формахъ, побуждаетъ меня, какъ бывшаго библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки предпринять изданіе спеціальнаго сборника матеріаловъ (записокъ, дневниковъ, разсказовъ, бѣглыхъ замѣтокъ), сохранившихся въ прежнихъ журналахъ и газетахъ. Сборникъ этотъ, подъ заглавіемъ: „*Севастопольская библіотека*“, будетъ издаваться выпусками не менѣе 5 печатныхъ листовъ, пять выпусковъ составить томъ, въ которомъ будетъ біографія одного изъ дѣятелей во время восточной войны, съ приложеніемъ портрета и лубочной картинки, издаваемой во время войны. Цѣна выпуску для большаго распространенія въ народѣ изданія будетъ не дороже 20 копѣекъ, а весь томъ изъ 25 до 30 листовъ не болѣе 1 рубля.

Само-собою разумѣется, при большомъ количествѣ

подписчиковъ самое изданіе можетъ удешевиться до 10 коп̣екъ за выпускъ, и 50 коп. за томъ.

Вотъ программа изданія матеріаловъ, которое можетъ содѣйствовать къ составленію популярнаго для народа чтенія о Севастопольской оборонѣ и прежде чѣмъ составится новое сочиненіе, можно съ пользою употребить старый матеріалъ, давно уже забытый и съ трудомъ уже могущій быть добытымъ.

Но чтобы изданіе «*Севастопольской библіотеки*» могло достигнуть своей цѣли, оно должно пользоваться покровительствомъ свыше и весьма естественно, что Морское и Военное Министерства не должны бы остаться равнодушными къ подобному предпріятію, которому столь блистательное начало положилъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Нельзя предположить и въ публикѣ равнодушія къ воспоминаніямъ о знаменитыхъ подвигахъ, совершенныхъ всѣми сословіями во время Крымской кампаніи. Во имя патріотизма вездѣ и всегда присущаго русскому народу предпринятое изданіе «*Севастопольской библіотеки*» напомнило бы современникамъ подвиги минувшаго времени и подготовило бы ихъ къ подвигамъ въ будущемъ.

И какъ большею частію наши историческіе журналы стараются отыскивать пятна въ минувшей жизни пред-

ковъ (что впрочемъ имѣетъ и свою полезную сторону), то въ „*Севастопольской библіотекѣ*“ читатель нашелъ бы то, чѣмъ можетъ гордиться каждый истинно русскій человѣкъ.

Самое озаглавленіе статей, могущихъ войти въ составъ «Севастопольской библіотеки» служитъ достаточнымъ доказательствомъ, сколько подобное изданіе можетъ представить интереса для любителей отечественной исторіи. Кто не согласится, что на страницахъ исторіи воинныхъ доблестей эпизоды изъ Крымской войны и Севастопольской обороны составляютъ высокія предметы и для кисти живописцевъ и пера писателей.

СОЧИНЕНІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ,

КАКЪ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ.

Алабинъ П. В. Изъ походныхъ записокъ. Посвящено Н. Гречу, въ день его юбилея.
(Историческія свѣдѣнія объ осадѣ Севастополя).
Сѣв. Пчела 1855 г. №№ 31—36, 80—81, 128—129, 218—219, 221, 262—263.

— Севастополь въ августѣ 1855 года. Изъ походныхъ записокъ.
Рус. Худ. Лист. 1857. №№ 22—26, 28—34.

— Севастополь въ первые шесть мѣсяцевъ 1855 года. Изъ походныхъ записокъ.
Сборникъ извѣстій, относящихся до восточной войны. Путилова, книга 31.

— Первое апрѣля 1856 года на горѣ Мекензи. Изъ походныхъ записокъ.
Рус. Худ. Лист. 1856 г. №№ 19 и 20.

Андреевъ. Л. Штурмъ союзниковъ въ Севастополѣ 16 и 18-го іюня 1855 г. Изъ сочиненія von Rüstow: Der Krieg gegen Russland.

Инженер. Журн. 1857 г. № 4.

Апичковъ. Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи, составленные Ген. Штаба капитаномъ А. часть I. описаніе сраженія на рѣкѣ Альмѣ, при Балаклавѣ и подъ Инкерманомъ; съ 3 грав. планами, IV. и 107 стр.; часть 2. описаніе осады и обороны Севастополя, съ 2 планами; IV и 155 стр. С.-Петербургъ 1856 г. 8°.

Рецензіи. Отечеств. Записки 1856 г. томъ 105, № 4; Современникъ, томъ 58, № 8; С.-Петербург. вѣдомости №№ 56 и 162; Лебедева. Русск. Инвалидъ № 46; кн. И. Горчакова. Нѣсколько замѣчаній. Русск. Инв. № 58; Сынъ Отеч. № 17; Москов. вѣдом. литер. отд., № 33.

Аоанасьевъ Д. М. Севастополь и его окрестности въ настоящее время.

Соврем. 1857. № 3. т. 62.

— Нѣсколько словъ о Севастополѣ.

Одеск. Вѣстникъ 1857 г. № 40.

— Путеводитель по Севастополю, его бастіонамъ и окрестностямъ, изданный съ цѣлію благотворенія

на его развалинахъ. Съ заглавною вѣньеткою, видомъ Севастополя и двумя планами. Николаевъ, 1857 г. 8°. 50 стр.

Базанкуръ. Союзники подъ Севастополемъ въ первые четыре мѣсяца 1855 года.

Изъ сочиненія: L'expédition de Crimée par le Baron de Bazancourt. Paris 1856. 8°.

Инжен. журн. 1857. № 2.

Бергъ. Н. В. Письмо изъ Севастополя и Бакчисарая.

Москвитянинъ 1855, т. V №№ 15—16.

— Севастопольскія письма.

Москвит. 1855, III—IV, №№ 12—16.

— Записки объ осадѣ Севастополя. Съ 2 планами. Москва 1858, 8°. 1 т. 264 стр. 2 т. 244 стр.

Резензіи. Библіотека для чтенія т. 149, № 5; Соврем. т. 68. № 5; Русск. Инвал. №№ 53—54; Военный журн. часть I; Морской Сборн. т. 34, № 4; Москов. вѣдом. № 5.

Богдановичъ. М. Севастопольскій военный портъ.

Воен. Энциклоп. Лексиконъ 2-е изд. 1857 г.

Воспоминаніе о геройской защитѣ Севастополя и очерки Крыма. Съ приложеніемъ десяти рисунковъ. С.-Петербургъ 1859 г. 8°. 32 стр.

Восточная война. Осада Севастополя. Историческій

очеркъ службы артиллеріи 1854—1856. Статьи 1—3.

Артиллер. журн. 1860 №№ 8, 9 и 11.

Высадка войска на Восточный берегъ и перевозъ изъ Одессы къ Севастополю въ сентябрѣ 1853 года.

Рус. Инв. 1853. № 244.

Вышеславцовъ. А. Севастополь въ послѣдніе мѣсяцы осады. Изъ записокъ Медика.

Русская Бесѣда 1860. № 2.

— Нѣкоторыя воспоминанія изъ времени осады Севастополя въ 1854 и 1855 годахъ.

Морск. Сборн. 1856. т. 23, № 9.

— Сутки на Малаховомъ курганѣ, 20 мая 1855 года.

Морск. Сборн. 1856. т. 22, № 6; Вѣдомости Москов. город. полиціи № 109 и 110; С.-Петерб. вѣд. № 103.

Горлиновъ А. Сходство и разница. Сравненіе событій 6 іюня 1815 и 1855 года.

Сѣв. Пчел. 1855. № 158.

— О Высочайшемъ путешествіи и нѣсколько словъ о послѣднихъ событіяхъ.

Сѣв. Пчел. 1855. № 282.

Гауэнъ Э. Джонъ. Очистка Севастопольской бухты.

Одес. Вѣстн. 1860. № 4.

Годовщина отбытія Севастопольскаго штурма 6 іюня 1855 года. Праздникъ въ Александрополѣ.

Рус. Инв. 1856 г. № 145.

Гребенщиковъ. Письмо изъ Минска въ редакцію газеты: „Русскій Инвалидъ“. О событіяхъ въ русской военной исторіи, происходившихъ въ сентябрѣ 1855 г.

Рус. Инв. 1855 г. № 11.

Десять дней въ Севастополѣ.

Москвит. 1855. т. III. № 9; рецензіи: Отечествен. Зап. т. 101, № 8. Современ. т. 52.

Донесеніе начальника французскихъ инженеровъ о Севастопольскомъ штурмѣ.

Воен. журн. 1855. № 5.

Дробышевскій. А. Нѣсколько словъ о Ростиславскомъ редутѣ (при оборонѣ Севастополя).

Артиллер. журн. 1857. № 3.

Дѣла въ Севастополѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущева.

Рус. Худож. Листокъ 1857 г. №№ 7 и 8.

Жандръ. Матеріалы для исторіи обороны Севастополя

и для біографіи В. А. Корнилова, собраны и объяснены А. Жандромъ. Спбгъ, 1859 г. 8° VIII и 398 стр, съ приложеніемъ портрета Корнилова 2 снимковъ, 2 картъ и 8 плановъ.

Завадовскій. Общій взглядъ на Севастополь въ исходѣ сентября 1857 года.

Рус. Инвал. 1857. № 2. фельетонъ.

Замѣтка священника, жившаго въ осажденномъ Севастополѣ.

Прибавленія къ Херсонскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ, 1861 г. ч. II и III, №№ 6—10.

Записки дамы Толузановой, сестры милосердія, о ея дѣйствіяхъ подъ Севастополемъ. Матеріалы для исторіи обороны Севастополя. Спбургъ 1860. 8°. 24 стр. изд. 2-е.

Извѣстія изъ Крыма. Подробности о бомбардированіи Севастополя.

Спб. вѣд. 1855. № 77.

Карповъ. Нѣсколько замѣтокъ на статью г. Эвертца, помѣщенную въ 193 № Русскаго Инвалида, подъ заглавіемъ: Дѣло подъ Малаховымъ курганомъ 27 августа 1855 года.

Морск. Сборн. 1861. т. 39 № 2.

Кашинъ. П. Разсказы очевидца о новыхъ подвигахъ Севастопольскаго гарнизона.

Рус. Инв. и Сѣв. Пчел. 1855. № 85.

Ковалевскій. Е. П. Бомбадированіе Севастополя.

Журн. воен. учебн. завед. 1857. т. 125.

— Бомбардированіе Севастополя. Двѣ главы изъ 2-й части исторіи войнъ 1853, 1854 и 1855 годовъ.

Соврем. 1856. т. 57.

Комарницкій. Севастополь въ началѣ 1855 года.

Отечеств. Зап. 1855. № 37—38; Спб. вѣд. № 84; Моск. вѣд. литер. отд. № 49.

Кокоревъ. В. Путь Севастопольцевъ; посвящено С. А. Хрулеву.

Русская Бесѣда 1858, годъ 3.

Константиновская батарея города Севастополя въ минувшую Крымскую войну.

Инженери. журн. 1860. № 6.

Красовскій (II) по поводу статьи Воен. Сборн. „6 мѣсяцевъ въ Севастополѣ“.

Москов. вѣдом. 1861. № 7.
Воен. Сборн. № 17. № 2.

Лебедевъ. П. Севастополь 6-го (18-го) іюня 1855 г. Объ осадѣ Севастополя.

Рус. Инв. 1855. № 134.

Мамонтовъ. И. Ѳ. Разсказъ Севастопольскаго матроса въ Москвѣ.

Москвит. 1856. т. I, № 2.

Ночная вылазка изъ Севастополя.

Журн. Воен. Учеб. Завед. 1856, т. 122. № 488.

Нѣсколько словъ по поводу статьи Орды: Замѣтка о взятіи Малахова кургана.

Воен. Сборн. 1859. ч. 8.

Нѣсколько словъ о производствѣ осадныхъ работъ англичанъ подъ Севастополемъ.

Инженерн. Журн. 1860. №№ 4 и 5.

Нѣкоторыя подробности обороны Севастополя.

Рус. Инв. 1855. № 104.

Оборона Севастополя. Военныя думы, перевелъ съ нѣмецкаго Я. Туруновъ.

Воен. Журн. 1857. кн. 4.

Обозрѣніе (критическое) сочиненія Оже: Восточная война. Осада Севастополя. Историческій очеркъ службы артиллеріи. Guerre d'orient. Siége de Sebastopol. Histoire de service de l'artillerie 1854 и 1855. ст. I и II.

Воен. Сборн. т. XII №№ 3 и 4.

Одаковскій. Дѣйствія полевой артиллеріи въ Севастополѣ въ день 26 мая 1855 года.

Артиллер. Журн. 1860. № 2.

Описаніе Севастополя и его окрестностей съ планомъ.

Воен. Сборн. 1859 г. ч. VI.

Описаніе отбитія штурма отъ г. Севастополя 6 іюня 1855 года.

Сѣверн. Пчела 1855. № 144.

Орда, А. Объясненія, вызванныя статьею артиллериста: „нѣсколько словъ по поводу статьи замѣчанія инженера о причинахъ взятія Малахова кургана“.

Воен. Сборн. 1859 г. ч. 10.

— Нѣсколько словъ о системѣ обороны Севастополя, по поводу статьи: „Замѣтки о Крымской войнѣ“.

Воен. Сборн. 1859 ч. 8.

— Замѣтки инженера о причинахъ взятія Малахова кургана.

Воен. Сборн. 1858. т. 2.

Осада Севастополя.

Рус. Инв. 1855. №№ 219 и 221.

Остенъ - Сакенъ графъ Д. Отрывки изъ переписки съ Иннокентіемъ Архіепископомъ Херсонскимъ и Тав-

рическимъ. Отрывокъ содержитъ вопросы преосв. Иннокентія о Крымской войнѣ, объ оборонѣ Севастополя и отвѣты на нихъ гр. Д. Остенъ-Сакена.

Воен. Сборн. 1861. т. 20. № 7.

— Оборона противъ нападающихъ на оборону Севастополя.

Воен. Сборн. 1861. т. 17, № 2.

Отрывокъ изъ письма съ развалинъ Севастополя.

Морск. Сборн. 1856. т. 24, № 10.

Письмо изъ Севастополя отъ 15 іюня 1855 г.

Одес. Вѣсти. 1855. № 78.

Письма изъ Севастополя I—IV. историческій очеркъ.

Пам. Лист. Керчь-Эпик. градонач. 1860. №№ 42—43, 45 и 47.

Пораженіе англичанъ на Севастопольскомъ бастіонѣ № 3, 27-го августа 1855 г.

Иллюстрація 1861. т. IV, № 88.

Послѣдніе дни южной стороны Севастополя.

Сѣв. Пчела 1855. № 225.

Потуловъ. Н. Замѣтки изъ Севастополя.

Сѣв. Пчел. 1858. № 286.

— О поднятіи судовъ въ Севастополѣ. (Отвѣтъ на возраженіе г. Гауэна).

Одес. Вѣсти. 1860. № 25.

Разсказъ изъ боевой жизни (объ осадѣ Севастополя.).

Рус. Инв. №№ 219—222.

Рудковскій (А.) Севастополь въ нынѣшнемъ его состояніи.

Лист. Рус. Общ. пром. и торг. 1860. №№ 20, 21; Рус. Инв. № 83; Таганр. губ. вѣд. № 28.

Севастополь. Описаніе вида города во время осады.

Спетерб. вѣд. 1855 г. № 166.

Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Въ 7 тетрадяхъ. Спбгъ 1858 г. 12 д. л. 290 стр. Посвящено А. В. Дружинину.

Рец. Соврем. т. 68; Артил. Журн. № 3; Воен. Журн. ч. 1.

Севастопольскія воспоминанія того же.

Библ. для Чтен. 1857. т. 142, 143 и 146. Рец. Сынъ Отеч. № 27.

Севастопольскій портъ.

Экопом. Указ. 1858, вып. 46, № 98.

Силистрія, Бомарзундъ и Севастополь. Современное искуство атаки и обороны укрѣпленныхъ мѣстъ.

Пант. 1856; т. 25, кн. 2,

Славони. Объ осадѣ Севастополя. Письмо изъ Севасто-

поля къ редактору Одесскаго Вѣстника, отъ 21 декабря 1854.

Одесск. Вѣсти. 1855. № 4.
Сѣв. Пчел. № 22.

Сокальскій. Н. Эпизоды изъ исторіи обороны Севастополя. Разсказъ рядоваго Минскаго полка Гончарова.

Соврем. 1856, т. 56.

Тиммъ. В. Посѣщеніе Селенгинскаго редута у Севастополя по отбитіи штурма 12 февраля 1855 г. Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ.

Рус. Худ. Лист. 1857. № 9.

Толузанова. Матеріалы для исторіи обороны Севастополя. На память дѣтямъ.

Рус. Инв. 1858. № 174.

Усовъ. М. Первыя мысли по прочтеніи извѣстія объ уступленіи непріятелю южной части Севастополя.

Сѣв. Пчела 1855. № 194.
Сборн. изв. отн. къ вост. войнѣ кн. 32.

Фуксъ. В. Три ополченія земли русской 1612, 1812 и 1855. Съ литографированными портретами царя Михаила Ѳеодоровича, Императоровъ: Александра Благословеннаго и Николая Незабвеннаго и благо-

получно царствующаго Государя Александра Николаевича. С.-Петербургъ 1856. 16 д. 137 стр.

Рец. Рус. Инв. 1856. № 3; Отеч. Зап. т. 106 № 6; Сынъ Отеч. № 11.

Черная рѣчка близъ Севастополя.

Рус. Худож. Лист. 1858. № 23.

Черниловскій Соколъ, И. Взглядъ на оборону Севастополя. Изъ сочиненія Milit. Betrachtungen über die Vertheidigung von Sebastopol, Berlin 1856.

Инж. Журн. 1857. № 3.

Шварцъ. Публичныя лекціи, читанныя при гвардейской артиллеріи (обзоръ 4-хъ лекцій о дѣйствіи осадной и крѣпостной артиллеріи при оборонѣ Севастополя).

Артил. Журн. 1861. № 8.

Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ съ 10 марта по 28 августа 1855 года, съ планомъ осадныхъ и оборонительныхъ работъ при г. Севастополѣ.

Воен. Сборн. 1861. т. 17, № 1.

Шейдеманъ. К. Замѣтки командовавшаго всею артиллеріею въ Севастополѣ.

Воен. Сборн. 1860 г. ч. XIII.

Штурмъ Севастополя. Отрывокъ изъ письма, отъ 22 іюня 1855 года.

Сѣв. Пчел. 1855. № 157.

Эвертцъ Э. Нѣсколько словъ объ оборонѣ Севастополя. Дѣло подъ Малаховымъ курганомъ 27 августа 1855 года.

Инж. Журн. 1858. № 2; Журн. воен. учеб. зав. т. 134 № 534; Рус. Инв. № 193. Рецензія: Воен. Сборн. т. 3.

— Отвѣтъ на замѣтки капитана 2-го ранга Карпова на статью: „нѣсколько словъ объ оборонѣ Севастополя. Дѣло подъ Малаховымъ курганомъ 27 августа 1855 г. помѣщенныя въ № 2 Морск. Сборн. за 1859 годъ.

Рус. Инвал. 1861. № 103.

Ѳедоровъ Ѳ. А. Крымъ съ Севастополемъ и другими его городами, съ описаніемъ рѣкъ, озеръ, горъ и долинъ съ его исторіею, жителями ихъ правами и образомъ жизни, съ 2 видами и планомъ Спбгъ 1855. 8⁰ д. 191 стр. 2-е изданіе Спбгъ 1855. 8⁰ д. 243 стр. со включеніемъ событій 1854 года.

Рец. на 1-е изд, Спб. Вѣд. 1855. № 32.

Баумгартенъ А. К., ген-маіоръ, біографическій очеркъ. Сборн. изв. отн. къ вост. войнѣ книга IX, 1855. отд. VI съ портретомъ.

Бутовскій Егоръ, маіоръ. Кончина одного изъ защитниковъ Севастополя маіора Е. Б. отъ раны, полученной въ день штурма Севастополя 27 августа.

Рус. Инв. 1856. № 117.

Воспоминаніе о ратныхъ товарищахъ: о полковникѣ Зацѣпинѣ и о юнкерѣ Шмитѣ. Изъ письма въ редакцію Одес. Вѣсти.

Одес. Вѣсти. 1855. № 65.
Сѣв. Пчел. № 154.

— О мичманахъ: Иринархѣ Тулубьевѣ, Робертѣ Бортвигѣ, Иванѣ Осокинѣ и о лейтенантѣ Ковако.

Морск. Сборн. 1855. т. 17. № 7.
Рус. Инв, № 169.

Загоскинъ П. Н. полковникъ † 7 апрѣля 1855.

Артил. Журн. 1856. № 5.

Защитники Севастополя. Свѣдѣнія о вице-адмиралахъ: Ѳ. М. Новосильскомъ, А. И. Панфиловѣ и капитанѣ 1-го ранга А. А. Зоринѣ.

Рус. Худ. Лист. 1856. № 10.

Истоминъ. Вѣсти изъ Севастополя; изъ письма очевидца о смерти Истомина.

Рус. Инвал. 1855. № 116 и 137.

Корниловъ В. А., вице-адмиралъ † 6 окт. 1854.

Жандръ. Нѣкоторыя подробности о смерти Вице-Адмирала Корнилова.

Морск. Сборн. 1854. № 12, Сѣв. Пч. № 1; Моск. Вѣд. № 3; Кавказъ № 3. Одес. Вѣст. № 8; Журн. воен. учебн. завед. т. 113. № 451.

Лихачевъ. Нѣсколько словъ о В. А. К., по поводу біографическаго его очерка, написаннаго Шестаковымъ.

Морск. Сборн. 1856. № 7.

Поповъ. Еще подробности о смерти вице-адм. К.

Морск. Сборн. 1854. № 12; Сѣв. Пч. № 1. Рус. Инв. № 3, Моск. Вѣд. № 3; Кавказ. приб. 1854. № 7, Одес. Вѣст. № 8.

Свѣдѣнія о покойномъ Корниловѣ.

Сборн. изв. до вост. войны кн. 12—24.

Шестаковъ И. Вице-Адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. Біографическій очеркъ.

Морск. Сборн. 1855. т. XIX и № 12, Москов. Вѣд. № 153—154. Рус. Инв. № 274—275, Сборн. изв. отп. до вост. войны 1856. кн. 26.

Липкинъ Н. Н. капитанъ 2-го ранга † 11 сент. 1855 г. Воспоминаніе объ одномъ изъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя.

Морск. Сборн. 1857. т. XXVII.

Мейендорфъ баронъ † 27 августа 1855.

Соллогубъ Г. П. Нѣсколько словъ объ одномъ изъ защитниковъ Севастополя. Посвящено памяти штабсъ-капитана генер. штаба барона М. умершаго отъ раны, полученной во время приступа.

Руск. Инв. 1855. № 209, Рус. Худ. Лист. 1856. № 10—11.

Нахимовъ Павелъ Степан., адмиралъ † 28 мая 1855 г.

Рус. Инв. 1855. № 152; Моск. Вѣд. № 86; Сборн. изв. Путилова XIII книжка; Морск. Сборн. 1855. т. XVIII. Сѣв. Пчела № 239, Моск Вѣд. № 132.

Бартеневъ. Извлеченіе изъ формулярнаго списка П. С. Нахимова.

Одес. Вѣстн. № 80.

Гюббенетъ. Нѣсколько словъ о П. С. Нахимовѣ.

Морск. Сборн. 1855. т. 18, № 9, Спб. Вѣд. № 208, Сѣв. Пчел. № 210. Рус. Инв. № 207. Моск. Вѣд. № 117. Журн. воен. учебн. зав. т. 116. № 463.

— Извлеченіе изъ записки проф. Г. о ранепіи и смерти П. С. Нахимова.

Рус. Инв. 1855. № 179, Одес. Вѣст. № 98.

Дьяконовъ, медикъ. Предсмертные часы А. П. С. Нахимова.

Одес. Вѣст. 1855. № 83.

Некрологъ П. С. Нахимова. Мѣсяцесловъ 1856. О кончинѣ адм. П. С. Нахимова и о посѣщеніи Севастополя Иннокентіемъ архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ; письмо изъ Севастополя отъ 3 іюля 1855.

Сѣв. Пчел. 1855. № 160, Сборн. Путилова кн. 32.

Отрывокъ изъ письма сестры Крестовоздвиженской общины; къ рисунку: адмиралъ П. С. Нахимовъ въ гробу.

Рус. Худ. Лист. 1856. № 19.

Погодинъ М. П. Въ память о Нахимовѣ.

Москвит. 1855. т. 3, № 11, Моск. Вѣд. № 91; Одес. Вѣст. № 95, Сборн. Путил. 1861. кн. 32.

Подробности о кончинѣ А. Нахимова (письмо изъ Севастополя къ П. С. Шевыреву).

Москв. 1855. т. 3, № 10.

Приказъ Вице-Адмирала Нахимова А. Н. на эскадрѣ Черноморскаго флота 17 ноября 1853 г. передъ Синопскимъ сраженіемъ.

Руск. Инв. 1854. № 10.

Славони и Дьяконовъ. Вѣсти изъ Севастополя о похоронахъ П. С. Нахимова.

Одес. Вѣст. № 82.

Соколовъ. Адмиралъ П. С. Нахимовъ. Съ выпискою письма Воеводскаго.

Морск. Сборн. 1855. т. 17; Рус. Инв. № 159.

— Матеріалы для біографіи А. П. С. Нахимова.

Сборн. изв. 1856. кн. 27.

Смерть и погреб. Нахимова (письмо къ М. П. Погодину).

Москв. 1855. т. 3.

Шестаковъ. Адмиралъ П. С. Нахимовъ.

Морск. Сборн. 1854. т. 17, № 8, Рус. Инв. № 171, Чтеніе для солд. 1855. кн. 5.

— Нѣсколько словъ къ предыдущей статьѣ.

Морск. Сборн. 1856. т. 19.

Орбеліани. Геройская кончина ген.-маіора князя И. Д. О.

Сборн. Путилова 1855. кн. 12; Рус. Инв. № 1, 3, 4.

Плохово. А. Падшіе защитники Севастополя: Корниловъ, Истоминъ и Нахимовъ или краткіе очерки смерти первыхъ двухъ героевъ и біографическій очеркъ послѣдняго. Москва 1856, 12°. 182 стр.

Праздники въ честь ген.-адют. Тотлебена и генер.-лейт. Хрулева.

Рус. Инв. 1856. № 1.

Празднества (два) въ честь Севастопольскихъ героевъ. Обѣдъ данный ген.-ад. Тотлебену и кн. Васильчикову.

Пантеонъ 1856. № 25, кн. 1.

Пребываніе Черноморскихъ офицеровъ защитниковъ Севастополя въ Москвѣ.

Вѣд. Моск. Город. Пол. 1856. №№ 46, 51, 72, 73.

— Севастопольцевъ въ Архангельскѣ.

Спб. вѣдом. 1856. № 174.

Скальковскій А. Русскіе крестовые рыцари въ борьбу 1854—1855 годовъ.

Спб. вѣд. 1865. № 122, 230, Сборн. Путпл. 1861. кн. 12.

Слова (два) о павшемъ товарищѣ З. А. Богдановскомъ.

Кавказъ 1855. № 82.

Солдатовъ матросъ капитанъ 1-го ранга Перелешинъ (командиръ 3-го бастіона во время осады Севастополя.)

Морск. Сборн. 1856. т. 22, № 7.

Тимофѣевъ Н. Д. ген.-маіоръ † 28 мая 1855.

Артил. Журн. 1856. № 5.

Тотлебенъ Э. И. ген.-адъют. Нѣкоторыя подробности о жизни Э. И. Т. въ Севастополѣ.

Рус. Инв. 1857. № 66. Жив. рус. библ. т. 1, № 12.

Пребываніе ген.-адъют. Э. И. Тотлебена на Бельбекѣ въ Крыму, во время леченія отъ раны, полученной имъ при оборонѣ Севастополя.

Рус. Худ. Лист. 1857. № 9, Отеч. Зап. т. 102, № 5.

Хрулевъ С. А. ген.-ад.

Рус. Инв. 1856. № 56, 57 Иллюстр. 1858. т. 1, № 45.

ЗАМѢТКА

О

СЕВАСТОПОЛЬСКОМЪ МУЗЕѢ

И

ВОЗЗВАНІЕ

ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

Воспоминанія о Крымской кампаніи и преимущественно о Севастопольской оборонѣ содѣлались такъ драгоцѣнными каждому русскому, что изъ посильнымъ приношеній членовъ восшной русской семьи представилось возможнымъ положить основаніе патріотическому музею въ Севастополѣ, столь достопамятномъ со времени послѣдней борьбы Россіи съ Турціею и ея союзниками.

Сочувствовать идеѣ этого музея и содѣйствовать по возможности основателямъ его матеріальною поддержкою — лежитъ на обязанности каждаго русскаго и въ этихъ видахъ мы позволяемъ себѣ сообщить къ свѣдѣнію тѣхъ, кому дорога слава Россіи, напечатанную въ «*Русскомъ Инвалидѣ*» замѣтку, о сдѣланномъ уже устройствѣ Севастопольскаго Музея, открытаго 14 сентября 1869 года, ровно черезъ 15 лѣтъ послѣ начала обороны Севастополя.

Существованіе Музея обеспечено Всемилости-

вѣйше дарованнымъ Государемъ Императоромъ участкомъ земли въ Таврической губерніи, пространствомъ въ 1,936 десятинъ, съ ежегоднымъ арендпымъ доходомъ въ 2,516 руб. Сумма денежнаго частнаго пожертвованія простирается по настоящее время до 13,610 р. 71 коп.

Учрежденный съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, подъ высокимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, особый по устройству Музея Комитетъ, приступая къ своему дѣлу, поставилъ себѣ задачею собрать въ Музеѣ все, что̀ связано съ именемъ Севастополя, съ славными днями его безсмертной обороны, чтобы, такимъ образомъ, каждый посѣтитель нашелъ въ немъ, по возможности, самые точные и подробные отвѣты на всѣ вопросы, касающіеся событій, прославившихъ этотъ городъ, полное удовлетвореніе своей любознательности, самыя положительныя объясненія всему, что онъ увидитъ среди знаменитыхъ развалинъ, словомъ, полную картину великой борьбы во всѣхъ ея фазисахъ.

Созданіе Музея началось съ приспособленія подъ его помѣщеніе дома, пожертвованнаго для этой цѣли генералъ-адъютантомъ Э. И. Тотлебе-

помъ. Нѣкоторыя, довольно значительныя работы по внутреннему устройству дома, вызывавшіяся настоящимъ его назначеніемъ, потребовали и денежныхъ затратъ, и довольно много времени. Нынѣшнимъ лѣтомъ всѣ работы вполнѣ окончены, и пять комнатъ Музея, составляющія его внутреннее помѣщеніе, омеблированы, хотя и безъ излишней роскоши, но со вкусомъ, прочной и солидной мебелью, дѣланной частію на заказъ, по особымъ рисункамъ, въ Одессѣ.

Въ настоящее время въ Музеѣ находятся:

Пять большихъ портретовъ Августѣйшихъ Особъ, писанныхъ масляными красками: а) въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича; б) нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича; в) Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей.

Портреты эти помѣщены на стѣнахъ особой комнаты, отдѣленной отъ большой залы полукруглой аркой, изящно драпированной.

120 литографированныхъ портретовъ главныхъ дѣятелей обороны и всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ. Портреты эти развѣшаны по стѣнамъ главной залы Музея.

Прострѣленная фуражка и шпага адмирала Павла Степановича Нахимова.

До 200 томовъ книгъ и брошюръ на русскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, относящихся собственно, какъ до защиты Севастополя, такъ и всей кампаніи 1853—1856 годовъ.

При библіотекѣ Музея устроена особая читальная комната.

15 роскошныхъ альбомовъ и болѣе 100 отдѣльныхъ гравюръ, рисунковъ, эстамповъ и полиптипажей, изданныхъ у насъ и за границей, по преимуществу въ Англіи. Всѣ эти картины по бо́льшей части сняты съ натуры и вѣрно изображаютъ: Севастополь и окружающую его мѣстность; виды нашихъ бастіоновъ, и какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ батарей, съ ихъ прислугой и вооруженіемъ; лагерь союзниковъ и различные эпизоды осады. Болѣе замѣчательныя гравюры по художественному выполненію и по величинѣ отдѣланы въ орѣховыя рамы и развѣшаны по стѣнамъ, остальныя разложены на столахъ въ большомъ залѣ и въ читальной комнатѣ. Въ числѣ альбомовъ находятся художественный листокъ г. Тима, который провелъ во время обороны нѣсколько мѣсяцевъ въ Севастополѣ, шесть тетрадей (81 листъ) видовъ восточной войны, съ объ-

яспеніемъ рисунковъ, и альбомы: а) съ рисунками формы обмундированія и снаряженія разныхъ частей нашихъ войскъ въ 1853—1856 годахъ, и б) съ фотографическими портретами и карточками нѣкоторыхъ изъ защитниковъ Севастополя, удостоившихъ Музей присылкою своихъ портретовъ.

Нельзя не упомянуть при этомъ, что Комитетъ неодпократно обращался съ просьбою ко всѣмъ защитникамъ Севастополя о присылкѣ своихъ портретовъ; но, къ сожалѣнію, на его усердныя просьбы откликнулись еще весьма немногіе, и потому — говоритъ «Русскій Инвалидъ» — рѣшено еще разъ просить объ этомъ всѣхъ Севастопольцевъ, раскинутыхъ по лицу земли русской, а равно друзей и родственниковъ героевъ, какъ павшихъ подъ Севастополемъ, такъ и тѣхъ, которые, выйдя изъ кровавой борьбы, позже сошли въ могилу.

Болѣе 50-ти плановъ, картъ и чертежей. Въ первыхъ двухъ комнатахъ Музея расположены на стѣнахъ, въ хронологическомъ порядкѣ, 20 большихъ картъ и плановъ, по которымъ въ короткое время можно ознакомить посѣтителя съ общимъ ходомъ осады и обороны и со всѣми сраженіями въ полѣ, начиная отъ высадки союзниковъ до пе-

рехода нашего на сѣверную сторону. Въ числѣ плановъ находится также искусно и изящно сдѣланный при Главномъ Инженерномъ Управленіи, подъ руководствомъ Э. И. Тотлебена, рельефный планъ города Севастополя.

Три модели нашихъ кораблей: «Марія», «Великій Князь Константинъ» и «Агамемнонъ», сдѣланныя въ мастерской Музея Морскаго Министерства.

Сверхъ вышепоименованныхъ предметовъ, имѣющихся уже въ Музеѣ, Комитетомъ по устройству Музея въ скоромъ времени будетъ туда отправлено:

1. 12 писанныхъ масляными красками портретовъ главныхъ дѣятелей обороны Севастополя. А именно: князей: А. С. Меньшикова *) и М. Д.

*) Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о замѣчательной, по количеству томовъ (до 50 тысячъ) и по рѣдкости изданій, библіотекѣ, недавно скончавшагося *Адмирала Князя Александра Сергѣевича Меншикова*.

Сынъ покойнаго Адмирала Генералъ Адъютантъ князь В. А. Меншиковъ, наслѣдовавъ, кромѣ упомянутаго собранія, и библіотеку послѣ своего дяди Николая Сергѣевича Меншикова, бывшаго флигель адъютантомъ при Государѣ Императорѣ Александрѣ I, желаетъ предоставить на общественную пользу эту библіотеку, какъ плодъ многолѣтнихъ трудовъ отца и дяди, съ любовью собиравшихъ рѣдкія книги.

Нѣсколько мѣсяцевъ занимаясь при жизни Адмирала въ его библіотекѣ и, по приглашенію свѣтлѣйшаго, осмотрѣвъ другія двѣ

Горчакова; графа Д. Е. Остенъ-Сакена, П. С. Нахимова, В. Л. Корнилова, В. И. Истомина, П. Е. Коцебу, князя В. И. Васильчикова, Э. И. Тотлебена, С. А. Хрулева, А. П. Хрущева и К. Р. Семякина.

Портреты эти будутъ помѣщены въ той же комнатѣ гдѣ помѣщаются портреты Высочайшихъ Особъ. Портреты эти частію уже готовы, а про-

---

его библіотеки въ подмосковныхъ деревняхъ, я имѣлъ случай убѣдиться, насколько важны эти собранія въ научномъ отношеніи. Предполагая въ другомъ мѣстѣ сообщить болѣе обширную библіографическую замѣтку о Меншиковскихъ собраніяхъ, здѣсь ограничимся только характеристикою ея въ главныхъ чертахъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что *историко-дипломатическій* и *военно морской* отдѣлы Петербургской библіотеки пок. Адмирала, представляютъ столь отличный и полный выборъ печатныхъ на разныхъ языкахъ матеріяловъ, что единственнымъ могутъ быть признаны источникомъ для изученія Востока и восточнаго вопроса.

Весьма была бы не полна исторія Крымской кампаніи и обороны Севастополя, еслибы историкъ ихъ не воспользовался хранящимися въ княжеской библіотекѣ матеріалами, какъ необходимыми пособіями для изображенія въ настоящемъ свѣтѣ послѣдней борьбы Россіи съ Турціею и ея союзниками въ 1853—1856 годахъ.

Отдѣлы: *энциклопедическій*, *лингвистическій*, *справочныхъ книгъ* и *разныхъ библіографическихъ указателей* заключаютъ въ себѣ много пособій для исторіи и библіографіи всѣхъ наукъ.

Любители *естественныхъ наукъ*, *народной медицины*, *ветеринарнаго искуства*, *сельскаго хозяйства*, а также по части *инкунабуловъ* (первопечатныхъ книгъ) *альдовъ* и *эльзевировъ* найдутъ для себя много неизвѣстнаго. А отдѣлъ *славянскихъ библій* столь бо-

медленіе въ окончаніи другихъ происходитъ единственно отъ того, что Комитетъ, желая имѣть совершенно схожіе, не могъ до настоящаго времени одобрить сдѣланныхъ живописцами, которые, въ свою очередь, ссылаются на неимѣніе удачныхъ оригиналовъ.

Неизлишне здѣсь будетъ упомянуть что редакція «*Русскаго Инвалида*» обратилась съ просьбою ко всѣмъ имѣющимъ у себя вполнѣ-схожіе портреты главныхъ дѣятелей великой борьбы, прислать таковые на имя Комитета, хотя на самое короткое время, причемъ именемъ Комитета редакція ручается, что всѣ доставленные оригиналы, по снятіи съ нихъ копій, будутъ со всей возможной осторожностію и аккуратностію возвращены владѣльцамъ.

2. Писанная масляными красками копія, съ модели Севастополя, находящейся въ Главномъ Инженерномъ Управленіи, на которой подробно

гать, что съ нимъ едвали сравнятся наши публичныя библіотеки; самый избалованный библіофилъ и библіоманъ найдетъ для себя въ собраніяхъ покойнаго князя Адмирала много *бѣлыхъ воронов*.

Весьма желательно, чтобы столь полезное намѣреніе князя Владиміра Александровича относительно предполагаемаго имъ составленія и печатанія полнаго каталога было скорѣе осуществлено. Сей послѣдній будетъ достойнымъ памятникомъ столь извѣстному своими знаніями покойному *Адмиралу — библіофилу*.

показаны: городъ, мѣстность, оборонительныя и осадныя работы, съ полнымъ вооруженіемъ. Копія эта будетъ помѣщена на пайбольшей стѣнѣ залы Музея; для помѣщенія-же на противоположной стѣнѣ пишется масляными красками планъ подземной войны, съ показаніемъ всѣхъ произведенныхъ взрывовъ.

3. Модели нашихъ и иностранныхъ кораблей, бывшихъ подъ Севастополемъ.

4. Газеты и нѣкоторыя періодическія изданія 1853 — 1856 годовъ, какъ наши, такъ и иностранныя, въ которыхъ говорилось о борьбѣ севастопольской.

Въ послѣднемъ засѣданіи Комитета, бывшемъ 2-го ноября 1870 г. постановлено: обратиться къ содѣйствію артиллерійскаго и морскаго начальствъ о снабженіи Музея артиллерійскими орудіями тѣхъ образцовъ и калибровъ, которые находились на нашихъ бастіонахъ во время осады и просить распоряженія о доставленіи этихъ орудій со станками, снарядами и всѣми принадлежностями. Равно просить о доставленіи всѣхъ образцовъ ручнаго огнестрѣльнаго и холоднаго оружія.

Всѣ орудія будутъ помѣщены подъ каменными навѣсами, выстроенными для этой цѣли на дворѣ зданія Музея.

5. Собрать на мѣстѣ, въ Севастополѣ, непріятельскіе снаряды, по возможности всѣхъ калибровъ.

По доставленіи орудій на мѣсто, будутъ заказаны фигуры моряковъ, артиллеристовъ и саперовъ, въ ростъ человѣка, въ той одеждѣ и вооруженіи, въ какихъ они находились на бастіонахъ.

Изъ этого краткаго отчета видно, что все, что только возможно было въ столь короткое время собрать въ Музеѣ, или приготовить для помѣщенія въ немъ, собрано или заказано; что никакія доступныя Комитету средства не были имъ упущены, съ цѣлію, на землѣ увлаженной кровью доблестныхъ сыновъ Россіи, среди развалинъ изъязвленнаго богатыря, воздвигнуть памятникъ, который могъ-бы разсказать отдаленному потомству о тяжкой годинѣ отчизны, о безпримѣрной великой борьбѣ. Конечно, труды Комитета еще далеко не кончены, сказать вѣрнѣе, они только-что начинаются; взявшись за исполненіе порученнаго ему дѣла и ведя его съ постоянно-возрастающимъ рвеніемъ, Комитетъ всегда былъ твердо убѣжденъ, что какъ-бы ни были тщательно и строго обдуманы его распоряженія, для осуществленія преслѣдуемой имъ цѣли, онъ, безъ теплаго участія

и дружнаго содѣйствія всей семьи русской, не въ состояніи будетъ воздвигнуть съ подобающимъ величіемъ безсмертнаго памятника безсмертной эпохѣ

Комитетъ не сомнѣвался въ этомъ содѣйствіи; онъ не возбуждалъ даже вопроса, чѣмъ вызвать сочувствіе, будучи твердо увѣренъ, что и то и другое явятся сами-собою, побуждаемыя любовью къ родинѣ, къ отечественной славѣ. И увѣренность его была не мечтательная; она оправдалась, если можно такъ выразиться, самымъ величественнымъ образомъ.

Въ недавнее время, именно въ октябрѣ 1870 года, на помощь дѣлу Севастопольцевъ раздался призывъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, обращенный ко всѣмъ знающимъ что-либо достовѣрное о севастопольской защитѣ, съ просьбою прислать на имя Его Высочества все то, что кто-либо имѣетъ писаннаго о Севастополѣ, или то, что онъ знаетъ и помнитъ, и можетъ написать. Цѣль этого воззванія, какъ сказано въ заявленіи Его Высочества, собрать все, что́ еще возможно собрать относительно славной севастопольской обороны, съ-тѣмъ-чтобы все полученное Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ поступало въ вѣчную собственность Музея.

Съ чувствомъ благоговѣйнаго восторга при-

няли Севастопольцы это милостивое и великодушное заявленіе Его Высочества. Лица, ближе другихъ поставленныя къ дѣлу созданія Музея, обратились съ просьбою къ Высокому Покровителю этого учрежденія, Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, испросить разрѣшенія Наслѣдника Цесаревича принять особую депутацію, желавшую выразить Его Высочеству, отъ лица всѣхъ Севастопольцевъ, живѣйшую и почтительнѣйшую благодарность за Его высокое участіе къ севастопольскому дѣлу и высказать полную надежду, несомнѣнную увѣренность, что не одно истинно-русское сердце съ любовію откликнется на призывъ Его Высочества.

Депутація эта, во главѣ которой находился Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, состоявшая изъ 12-ти лицъ, удостоилась счастія быть принятою Его Высочествомъ въ Царскомъ Селѣ, 3-го ноября.

Его Высочество, принявъ благосклонно выраженныя Ему Высокимъ Покровителемъ Музея, отъ лица всѣхъ Севастопольцевъ, чувства живѣйшей признательности и горячей благодарности, изволилъ выразить надежду на успѣхъ общаго дѣла.

И такъ благое дѣло начато и поддержано, и выростетъ Севастополь — эта историческая святыня земли русской — и самъ повѣдаетъ грядущимъ поколѣніямъ о своихъ страданіяхъ, о той службѣ, которую онъ сослужилъ отчизнѣ и о той народной гордости и славѣ, которую увѣковѣчили на его твердыняхъ, непоколебимые защитники, вѣрные сыны Россіи.

Отъ имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича ко всѣмъ знающимъ что-либо о Севастопольской защитѣ.

Распространеніе въ народѣ вѣрнаго пониманія славныхъ страницъ его исторіи есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ его нравственнаго воспитанія.

Распространеніе въ войскахъ знанія великихъ подвиговъ военной доблести, съ цѣлью сродпить съ ними каждаго солдата, есть важнѣйшая сторона военнаго образованія войска.

Чѣмъ свѣжѣе память этихъ страницъ исторіи и этихъ подвиговъ военной доблести, тѣмъ яспѣе рисуются образы великихъ людей и славныхъ дѣлъ каждаго историческаго событія, тѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, могутъ они быть двигателями нравственнаго вліянія.

Однимъ изъ подобныхъ событій новѣйшаго

времени для насъ, русскихъ, представляется, безспорно, севастопольская защита.

Смыслъ ея славы есть картина цѣлой эпохи, въ теченіе которой патріотизмъ каждаго изъ тысячей севастопольскихъ защитниковъ является, какъ несокрушимое убѣжденіе и глубокое чувство, какъ двигатель къ безграничному самоотверженію и, наконецъ, какъ источникъ яснаго, твердаго, и благороднаго сознанія своего долга.

Тогда эти нравственныя черты возбуждали священное соревнованіе между севастопольскими защитниками, ежедневно рождали на бастіонахъ Севастополя новыхъ героевъ и новые подвиги, и на пространствѣ всего государства поддерживали и облагороживали духъ каждаго русскаго!

Теперь ихъ назначеніе, быть можетъ, еще святѣе и важнѣе. Они должны составить лѣтопись цѣльную и полную, а лѣтопись эту должны читать и перечитывать всѣ мы, русскіе, дѣти и внуки наши, дабы въ ней учиться, какъ исполнять свой долгъ!

Два года тому назадъ, на собраніи севастопольцевъ въ С.-Петербургѣ, родилась мысль о доставленіи въ Севастопольскій Музей всѣхъ имѣющихся объ осадѣ свѣдѣній. Прекрасная эта мысль стала осуществляться, и нынѣ Музей владѣетъ

уже довольно значительнымъ количествомъ рукописей и печатныхъ сочиненій объ оборонѣ Севастополя.

Но многаго еще въ немъ нѣтъ, многія драгоцѣнныя воспоминанія и свѣдѣнія не доставлены. Есть лица, которыя могли и не знать о назначеніи Севастопольскаго Музея. А между тѣмъ время уходитъ!

Побуждаемый всѣми этими чувствами и мыслями, съ твердою увѣренностью, что севастопольцы горячо на нихъ откликнутся, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, съ разрѣшенія Государя Императора, обращается ко всѣмъ знающимъ что-либо достовѣрное о севастопольской защитѣ, съ просьбою присылать на Его Имя все то, что кто-либо имѣетъ писаннаго о Севастополѣ, или то, что онъ знаетъ и помнитъ и можетъ написать.

Веденные во время осады дневники, записки, воспоминанія или письма о севастопольской оборонѣ, простой разсказъ малѣйшаго эпизода ея или подвига, или того, что кто-либо помнитъ, какъ очевидецъ, безъ стѣсненія формами и формальностями—вотъ что нужно!

Одно лишь условіе должно быть свято соблюдено—истина!

Осчастливленные георгіевскими крестами, зна-

ками Военнаго ордена и другими драгоцѣнными наградами за храбрость подъ Севастополемъ — пусть сообщатъ простой разсказъ о томъ, за что они ихъ удостоились.

Написанное каждый пусть отправитъ по слѣдующему адресу: «Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу — въ Собственныя руки. Въ С.-Петербургѣ. Отъ Севастопольца».

Цѣль этого воззванія — собрать все, что́ еще собрать возможно относительно славной севастопольской обороны.

Собравши все, что будетъ доставлено и пользуясь уже поступившими въ Севастопольскій Музей драгоцѣнными свѣдѣніями, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣетъ желаніе разработать ихъ и издать въ такой формѣ и при такихъ условіяхъ, чтобы книга о севастопольскихъ подвигахъ сдѣлалась настольною книгою русскаго народа и русскаго солдата.

Само собою разумѣется, что все полученное Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ поступить въ вѣчную собственность Севастопольскаго Музея.

Лица, желающія сохранить у себя свои рукописи, пусть сообщатъ ихъ для снятіи съ нихъ копіи.

1) О времени, когда начнутся пріемы словес-

ныхъ сообщеній въ одномъ изъ зданій Аничкова Дворца и о лицахъ, коимъ сіе будетъ поручено, послѣдуетъ особое объявленіе. 2) До того времени всѣхъ лицъ, желающихъ сообщить что-либо изустно или получить какія-либо объясненія, просятъ обращаться ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, до двѣнадцати часовъ, по слѣдующему адресу: Невскій проспектъ, № 77, кв. № 8. 3) Всѣ изустныя сообщенія будутъ записываемы въ особую книгу, и вмѣстѣ съ письменными поступятъ на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Высочества. 4) Всякія достовѣрныя свѣдѣнія о севастопольской оборонѣ драгоцѣнны; а потому нельзя не желать, чтобы въ сообщеніи таковыхъ участвовали и всѣ тѣ, которые хотя и не были въ Севастополѣ во время осады, но имѣютъ о ней какія-либо свѣдѣнія, безразлично въ какихъ бы то ни было формахъ. 5) Лицъ, желающихъ получить обратно свои рукописи, просятъ о томъ заявить при ихъ сообщеніи. 6) На всѣхъ сообщеніяхъ просятъ означать мѣсто жительства. 7) Лицъ, желающихъ сообщать имѣющіяся въ ихъ распоряженіи свѣдѣнія на какихъ-либо условіяхъ просятъ о таковыхъ изложить при представленіи или присылкѣ свѣдѣній.

(Изъ «Прав. Вѣстн.»)

Сочиненія и изданія А. Д. Ивановскаго.

---

1) Археологическія изслѣдованія государственнаго канцлера графа **Н. П. Румянцова** и митрополита кіевскаго **Евгенія**, съ указаніемъ значенія библіотекъ въ Россіи и важности заслугъ **Петра Дубровскаго**, барона **М. А. Корфа** и ген. адъютанта **И. В. Исакова**. Извлеченія изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ залѣ Университета Св. Владиміра, 17, 19 и 21 сентября 1869 года, въ пользу Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, съ приложеніемъ привѣтствій и рѣчей, сказанныхъ на юбилѣе кіевской-духовной академіи. Кіевъ 1869 г. цѣна 50 коп.

2) **Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ** и его картинная русская галлерея. Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ алфавитнаго и хронологическаго указателей къ его галлереѣ и біографическихъ замѣтокъ о русскихъ художникахъ. Спб. 1870. 8° (Продается въ пользу Румянцовскаго Музея; желающіе пріобрѣсти могутъ обращаться съ своими требованіями въ Музей).

3) **Иванъ Михайловичъ Снегиревъ и дневникъ его воспоминаній.** Извлеченіе изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ маѣ 1869 года, въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, въ пользу Миссіонерскаго Общества, состоящаго подъ **Высочайшимъ** покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Александровны**. Спб. 1871. 8° 496 стр.

4) **Двѣ портретныя галлереи**, изданныя съ **Высочайшаго** соизволенія; **одна**, по поводу посѣщенія **Славянами** Императорской публичной библіотеки, 9 мая 1867 г. **другая**, въ память 50-ти лѣтняго юбилея дипломатической службы государственнаго канцлера **Князя Александра Михайловича Горчакова**, 13 іюня 1867 года. Въ обѣихъ картинахъ главнымъ украшеніемъ составляютъ портретъ нынѣ благополучно царствующаго **Государя Императора**, и портреты 44 ревнителей просвѣщенія и русскихъ дипломатовъ, начиная съ перваго оберегателя государевой печати **боярина Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина**. Оригиналъ первой картины всеподданнѣйше поднесенъ **Его Величеству**, а второй представленъ юбиляру. Фотографическія копіи съ этихъ картинъ могутъ быть пріобрѣтаемы у издателя.

1) Высокопреосвященнѣйшій **Евгеній Митрополитъ Кіевскій и Галицкій**, біографическій очеркъ (печатается).

2) «**Старина Русской земли**. Сборникъ историко-археологическихъ изслѣдованій и монографій г. профессора московскаго университета **Ивана Михайловича Снегирева** (печатается).

Поправка. На стр 80 Очерка сказано, что изданіе «*Отче нашъ*» совершено на счетъ суммъ Академіи Наукъ, а по словамъ завѣдывающаго академическою типографіею, оно издано доброхотнымъ и безвозмезднымъ трудомъ академическихъ наборщиковъ, оно напечатанное на 325 языкахъ, не поступало въ продажу.

Цѣна 1 руб. 10% отъ продажи Очерка жертвуется въ пользу Севастопольскаго Музея.

2007096110